

Швейцарцы за рубежом
Schweizer in der Welt
Svizzeri nel mondo
Suisses dans le monde
The Swiss Abroad

Александр Ламберт
Виктор Ламберт

Очевидец революции

МЕМУАРЫ РУССКОГО ШВЕЙЦАРЦА
АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ЛАМБЕРТА
(1863-1942)

Александр Ламберт
Виктор Ламберт

ОЧЕВИДЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

*Мемуары русского швейцарца
Алексея Ивановича Ламберта*

Родина МЕДИА
2014

200 лет дипломатических отношений

Россия

Швейцария

«200 лет — это солидный срок, покрывающий жизни многих поколений людей. Но даже им не охватывается вся история российско-швейцарских контактов, которые начались задолго до 1814 года.»

Александр ГОЛОВИН,
Посол Российской Федерации в Швейцарской
Конфедерации и Княжестве Лихтенштейн

«В 2014 году мы отметим 200-летие установления дипломатических отношений между нашими странами. Больше того, никогда еще россияне и швейцарцы не поддерживали таких тесных связей, как сейчас; никогда еще отношения между нашими странами не были столь доброжелательными и близкими. История всегда пишется людьми. И судьбы отдельных, пусть даже не самых известных, личностей дают нам великолепную возможность задуматься о том общем, что нас объединяет, узнать что-то новое — и благодаря этому лучше узнать друг друга.»

Доктор Пьер ХЕЛБГ,
Посол Швейцарии в России

Александр Ламберт
Виктор Ламберт

ОЧЕВИДЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Мемуары русского швейцарца
Алексея Ивановича Ламберта

Родина МЕДИА
2014

УДК 94(47+57)<18/19>(993.3)
ББК 63.3(2)53ю14
Л21

Александр Ламберт, Виктор Ламберт

Очевидец революции

Мемуары русского швейцарца
Алексея Ивановича Ламберта

Появление русскоязычного издания этой книги стало возможным благодаря финансовой поддержке двух россиян, живущих в Швейцарии — госпожи Ольги Маловой и господина Владимира Кузнецова.

На издание выполненного им русского перевода мемуаров своего деда Виктор Ламберт покорнейше испросил и милостиво получил пастырское благословение владыки Михаила, архиепископа Женевского и Западноевропейского.

Серия изданий:

Швейцарцы за рубежом

Schweizer in der Welt — Svizzeri nel Mondo
Swisses dans le Monde — The Swiss Abroad

Музей швейцарцев за рубежом Издательство «Инфолио»

Musée des Suisses dans le Monde Infoлио éditions 18, chemin de l'Impératrice

CH-1292 Pregny-Genève CH-1124 Gollion

Преньи-Женева/Швейцария Гольон/Швейцария

www.penthes.ch www.infoлио.ch

Обложка: Анны-Катерины Бэйи, издательство «Инфолио»

Иллюстрации: семейный архив Ламбертов

Верстка полос: издательство «Родина МЕДИА»

© 2013, Infoлио éditions & Editions de Penthes

ISBN: 978-5-905350-23-8 — ISSN: 1662-016X

Титулярный Советник Алексей Иванович Ламберт.
Вятка, около 1885 г. Семейный архив Ламбертов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение Посла Швейцарии в России доктора Пьера Хельга к читателям.....	5
От Музея Швейцарцев за рубежом в Женеве (Анзельм Цурфлу).....	7
Предисловие (Игорь Петров).....	10
От составителей (Александр Ламберт, Виктор Ламберт).....	14
ШВЕЙЦАРЕЦ В ЦАРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ	
Глава 1. Швейцария и Российская империя.....	22
Глава 2. Карьера и семья Алексея Ивановича Ламберта.....	31
Глава 3. Встреча с Лениным и возвращение в Швейцарию.....	39
Заключение. Семья Ламбертов и Россия.....	50
Фотографии и иллюстрации.....	52
МЕМУАРЫ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ЛАМБЕРТА	
Часть 1. Россия до и во время революции.....	75
Часть 2. Повесть о репатриации в Швейцарию. Июнь 1919 г. — январь 1920 г.	89
Источники и литература.....	118

Обращение Посла Швейцарии в России к читателям

Дорогие российские читатели!

Обратиться к тем, кто держит в руках эту прекрасную книгу — это и большое удовольствие и великая честь.

На первый взгляд Россия и Швейцария являют собой полную противоположность друг другу. Но я — которому выпала честь представлять Швейцарию в России — ежедневно убеждаюсь в том, что мы похожи; я вижу, как наши страны и наши граждане взаимно дополняют и поддерживают друг друга.

В 2014 году мы отметим 200-летие установления дипломатических отношений между нашими странами. Больше того, никогда еще россияне и швейцарцы не поддерживали таких тесных связей, как сейчас; никогда еще отношения между нашими странами не были столь доброжелательными и близкими.

История всегда пишется людьми. И судьбы отдельных, пусть даже не самых известных, личностей дают нам великую возможность задуматься о том общем, что нас объединяет, узнать что-то новое — и благодаря этому лучше узнать друг друга.

Жак-Алексис Ламберт — один из тех швейцарских воспитателей и преподавателей, которые на протяжении нескольких веков находились в необъятной Российской империи

От Музея Швейцарцев за рубежом в Женеве

свою вторую родину. Имея двойное гражданство, Ламберт чувствовал себя связанным и с Россией, и со Швейцарией. Его воспоминания — первые выходящие сейчас на русском языке благодаря неординарному участию его внука и правнука — представляют большой интерес как живые комментарии к событиям, перевернувшим эпоху.

В 2014 году мы погрузимся в океан поразительных контрастов и удивительных сходств, чтобы в прошлом, настоящем и будущем обнаружить российское в швейцарском и швейцарское в российском. Пусть эта небольшая книга подарит Вам всем несколько прекрасных часов чтения!

Доктор Пьер ХЕЛЫГ,
Посол Швейцарии в России

Серия «Швейцарцы за рубежом» издательства «Де Пант» («Infolio éditions & Editions de Penrhos Collection: Les Suisses dans le Monde») предлагает вниманию читателей краткие биографии швейцарцев — дипломатов, исследователей, артистов, бизнесменов, миссионеров, журналистов, — чья жизнь была тесно связана с зарубежными странами. Некоторые из этих «зарубежных швейцарцев» пользуются известностью и в наши дни — как в Швейцарии, так и в странах, ставших для этих людей их новой родиной, — другие совсем исчезли из нашей памяти. Об одних опубликованы научные труды, о других мы ничего не знаем.

Институт и Музей швейцарцев за рубежом, находящийся в особняке Де Пант в пригороде Женевы Преньи (Château de Penrhos, Pregny-Geneve), стремятся сохранить память об этих людях. Издание биографий из серии «Швейцарцы за рубежом» являются важной частью этой деятельности. Как показывает опыт, многочисленные читатели положительно оценивают книги серии — и благодаря индивидуальному подходу к каждому персонажу, и потому, что эти работы невелики по объему, написаны простым и ясным языком и доступны по цене.

Книги серии выходят преимущественно на языках Швейцарской Конфедерации. Однако мы всегда предусматриваем возможность их перевода на другие языки — соответственно теме. Так, уже вышло итальянское издание книги о знаменитом швейцарском министре иностранных дел Джузеппе

Мотта (1871–1940) — выходец из италоязычного кантона Тичино. На немецком языке издана работа о швейцарском дипломате Иоганне-Конраде Керне (1808–1888), уроженце кантона Тургау, на английском — книга о знаменитом в США женецце Альберте Галлатине (1761–1849). Запланированы переводы биографии швейцарского военачальника А. фон Рединга (1765–1818) из кантона Швиц (на испанский язык) и книги о Пьере Стоппа из кантона Граубюнден (на ретороманский). Настоящее издание является переводом на русский язык мемуаров Жака-Алексиса Ламберта из кантона Невшатель, — швейцарца, в богатой биографии которого было и преподавание французского языка симбирскому гимназисту Владимиру Ульянову.

Авторы книг серии опираются, как правило, на ограниченное количество источников. Их выводы зачастую подкреплены ранее опубликованными работами. Тем не менее их книги — это аутентичные портреты выдающихся людей. Они дают возможность лучше понять мотивы, побуждавшие наших соотечественников покинуть маленькую Швейцарию, расширить горизонты своей жизни и деятельности; показывают, в чем заключался вклад этих людей в развитие их нового отечества.

В связи с этим возникает интересный вопрос: можно ли усмотреть в личных судьбах этих «зарубежных швейцарцев» элемент, скажем так, «экспорта швейцарского духа»? Ответ, думается, должен быть положительным. Биография

Жак-Алексиса Ламберта — эмигрировавшего в Россию в возрасте 21 года, по окончании образования в Невшателе, и вернувшегося на родину после большевицкой* революции — как раз является собой яркий тому пример. Его деятельность в качестве российского педагога и чиновника Российской империи — это блестящий пример реализации тех качеств, которые принято называть «швейцарским менталитетом» и которые и по сей день обеспечивают швейцарцам успех во всем мире. Что же касается семейной истории Ламбертов, то она представляет собой еще одно ценное свидетельство многочисленных переплетений судеб швейцарцев и россиян, контактов как между отдельными людьми, так и между Швейцарией и Россией в целом. Именно такие контакты и создают те связи, без которых Швейцария не была бы тем, чем она стала сегодня.

Анзельм ЦУРФЛУ, доктор истории и этнологии,
директор Института и Музея швейцарцев за рубежом

*См. также прим. 26 к настоящему изданию. — Прим. пер.

Предисловие

Написать предисловие к этой книге стало для меня большой честью. Российско-швейцарские отношения имеют длинную и очень интересную историю.

Швейцарская Конфедерация всегда была очень популярна в России. В Швейцарии жили и творили многие великие деятели русской культуры и политики — от Толстого и Достоевского до Бакунина и Солженицына. До 1918 г. в Давосе существовала большая русская община; там работало русское консульство. Россия внесла немалый вклад в создание и укрепление политической системы Швейцарии, став в 1815 г. одним из государств, гарантировавших ее постоянный нейтралитет. Тогда же Россия открыла в Швейцарии свое первое постоянное дипломатическое представительство, и в 2014 г. мы отметим 200-летие дипломатических отношений между нашими странами.

Но связи между Россией и Швейцарией были весьма активными и раньше. После того как в XVII веке нейтральная Швейцария начинает сворачивать систему предоставления соседним государствам солдат для службы по найму, перед гражданами бедной горной страны встает вопрос о том, чем заменить этот серьезный источник национального дохода. Для многих швейцарцев выезд за рубеж был единственной возможностью хотя как-то встать на ноги. Между тем распространение идей Просвещения и зарождение (не в последнюю очередь именно в Швейцарии) основ современной педагогики привели к тому, что

в Европе (и в том числе в России) резко возрос спрос на учителей и воспитателей. И здесь швейцарцы оказались идеальными кандидатами. Они, как правило, знали несколько европейских языков, отличались аккуратностью, педантичностью, терпением, чувством собственного достоинства и стремлением к компромиссу. Все это были качества, которые делали из них замечательных педагогов.

Решение отправиться в Россию Жак-Алексис Ламберт принимает в 1884 г., в возрасте 21 года. Попав туда (предположительно через Вену и Варшаву), он начинает учительскую карьеру в провинции, в Вятке. Почти сразу же Ламберт женится на Софии Бенземан, девушке из состоятельной немецкой семьи. Ее отец Иван Бенземан был дворянином и владел поместьем Окуловка в Сызранском уезде¹. В 1887 г. Ламберты перебираются в Симбирск, и в гимназическом классе, где преподавал швейцарец, оказывается ученик Владимир Ульянов².

Нельзя сказать, что Жак-Алексис Ламберт оказал на будущего «вождя мирового пролетариата» какое-то

1. См. раздел «Источники и литература». — Прим. пер.

2. В рукописи своих мемуаров Алексей Иванович точно указал, что Владимир Ульянов стал его учеником в 1889 г., однако несвободная от мифов (подробнее см.: Вослеский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991) советская официальная биография В.И. Ленина утверждает, что он окончил гимназию еще в 1887-м. — Прим. сост.

особое влияние. В конце концов, тесно соприкасались они всего лишь год. И все-таки можно предположить, что в момент, когда политэмигрант Ульянов-Ленин решил обосноваться в Швейцарии, в его подсознании всплыл образ швейцарца — учителя французского языка в Симбирской гимназии.

Наша страна всегда была обращена лицом к Европе, а досадные «годы без отношений» между Россией и Швейцарией — завершившиеся в 1946 году их восстановлением — только подчеркивают это обстоятельство. И сейчас, когда очевидно, что процветание России возможно лишь при условии реализации ею политического и экономического опыта Европы, Швейцария с ее традициями либерального государства, истинного федерализма, с ее опытом поиска политических компромиссов (на основе убеждения в том, что оппозиция должна участвовать в управлении страной, а не выталкиваться за пределы политического поля), с торжеством права, с гарантиями собственности, с глобализированными и в то же время прочно укорененными в своих собственных традициях экономикой и культурой, становится особенно важным партнером для Москвы, бесценным примером и ориентиром.

И мемуары Жака-Алексиса Ламберта ценны уже хотя бы тем, что они еще раз показывают тесную связь России и Швейцарии, России и Европы. Две краткие встречи

швейцарца с будущим Лениным, наверное, не дают нам кардинально нового знания, но при чтении тех абзацев, которые посвящены «кремлевской» теме, создается волшебоевое впечатление просмотра любительского фильма, случайно снятого на старую камеру. И в целом воспоминания Жака-Алексиса, квалифицированно и заботливо подготовленные к изданию его внуком и правнуком — Виктором и Александром Ламбертами, — являют собой еще один фрагмент многоцветной картины истории России и Швейцарии.

Доктор Игорь А. ПЕТРОВ,
руководитель русской редакции информационного портала
SWISSINFO.CH,
иностранный службы швейцарской национальной
теле- и радиоконпании SRG SSR

От составителей

Мемуары нашего деда и прадеда повествуют о его жизни в России и возвращении на родину. В России Жак-Алексис Ламберт настолько обрусел, что стал Алексеем Ивановичем; этим именем мы и будем далее называть его в большинстве случаев. Эмигрировав в Российскую империю в 1884 г., он стал там преподавателем французского языка. В качестве такового Ламберт познакомился с будущим Лениным: в 1887 г. гимназист Владимир Ульянов был одним из его учеников в Симбирской мужской гимназии. В дальнейшем Алексей Иванович продолжил карьеру преподавателя французского языка в других городах Поволжья — дослужившись в 1909 г. в Самаре до чина статского советника³. Его служба в России завершилась в 1919 г. в Царицыне.

Жизнь Алексея Ивановича Ламберта освещалась в работах швейцарских историков⁴, а также в периодической печати Швейцарии⁵ и Украины⁶. Кроме того, наш дед и прадед был

3. В Российской империи преподаватели гимназий имели статус государственных чиновников. — Прим. пер.

4. Jaques-Alexis Lambert — Erinnerungen eines Neuenburger Erziehers an die Russische Revolution//Von Zürich nach Kamtschatka, Schweizer im Russischen Reich. Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft Zürich. Bd.75. Zürich, 2 Januar 2008; Niederhäuser P. Victor Lambert: Verkaufsingenieur und «Propagandist», Käser, Künstler, Kommunisten. Zürich, 2008. «Verkaufsingenieur» (нем.) — инженер по сбыту технического оборудования. — Прим. пер.

5. Steiner B. Lenin hat keinen Respekt verdient // Der Landbote (Winterthur), 3 März 2005. С. 25 (интервью с Виктором Алексеевичем Ламбертом, внуком Алексея Ивановича; www.landbote.ch); Петров И. Жак Алексис Ламберт — швейцарец из Невшаттеля, учивший французскому языку Ленина//Русская Швейцария (Цюрих). 2005. № 4 (www.ruswiss.ch).

6. Машенко А. Необыкновенные приключения Ламбертов в России. Прадед-Александра

одним из центральных персонажей выставки «Россия — Швейцария: века любви и забвения», прошедшей в Историческом музее города Лозанны в 2006 г. в рамках официальных торжеств по случаю 60-летия восстановления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией⁷. В рамках этого же юбилея в швейцарском Музее кинематографии (Cinémathèque Suisse) в Лозанне под руководством г-на Ги Меттана⁸ был проведен круглый стол, одной из тем которого стала судьба нашего деда и прадеда. Нашему семейству была посвящена и одна из передач франкоязычной швейцарской радиостанции «Espace 2»⁹.

Своими мемуарами Алексей Иванович закончил писать в 1920 г., сразу после возвращения в Швейцарию¹⁰. Впервые в полном объеме они были опубликованы (на французском языке) в 2009 г. в Же-

Ламберта Жан-Жак Ламберт учил французскому языку Ульянова (Ленина)//Крымское время (Симферополь), 11 февраля 2000. С. 3. (В статье допущена ошибка: нашего прадеда звали Жак-Алексис. — Прим. сост.).

7. Россия-Швейцария: Века любви и забвения (1680–2006). Исторический музей г. Лозанна, 17 февраля — 21 мая 2006 г. (www.lausanne.ch/mhl).

8. В 2006 году Ги Меттан (Guy Mettan) был руководителем отделения Торговой палаты «Швейцария, Россия, Украина, Казахстан», отвечавшим за франкоязычные кантоны. В настоящее время он является председателем Большого Совета (парламента) кантона Женева, руководит авторитетным Швейцарским клубом прессы (Schweizer Presseclub, Le Club Suisse de la presse), а также возглавляет Швейцарское Общество Красного Креста. — Прим. сост.

9. «Chemins de Terre» (11 марта 2006 г.) Автор передачи — Жан-Марк Фальком-белло (www.espace2.ch/cheminsdeterre). — Прим. сост.

10. В архиве нашей семьи среди других документов имеется написанный по-французски рукописный оригинал мемуаров, а также его машинописная копия. Полную информацию об этом эпизоде истории нашего рода можно получить в Женевском Музее швейцарцев за рубежом (в формате CD-ROM; www.penthes.ch.). В 2000 г. Виктор Алексеевич Ламберт перевел мемуары своего деда на русский язык. — Прим. сост.

неве. Эту публикацию подготовил Александр Ламберт, правнук Алексея Ивановича. Настоящее, русское издание подготовили внук и правнук мемуариста — отец и сын Виктор и Александр Ламберты. Как при публикации мемуаров в их французском оригинале, так и при переводе их на русский язык обращалось особое внимание на сохранение стиля того времени.

В период написания мемуаров у Алексея Ивановича Ламберта обнаружилась проблема со зрением, и поэтому текст, вышедший из-под его пера, довольно компактен. Вместе с тем он поражает ясностью и точностью, а также обширностью познаний автора в области политики, экономики и социального устройства России. Очевидным становится и его талант аналитика. Вызывает уважение хорошо осознанное стремление автора высказать свою личную точку зрения — точку зрения человека, который был свидетелем стремительного развития и укрепления России в период до 1914 г. и которому затем пришлось пережить ее политический и идейный крах. Следует учитывать, что Алексей Иванович Ламберт был в равной степени гражданином и патриотом как Швейцарии, так и России.

Воспоминания Алексея Ивановича свидетельствуют о том, что для швейцарцев Российской империя была очень перспективной страной. Кроме того, этот источник — живое свидетельство очевидца — позволяет расширить наши знания о таких важнейших событиях российской и европейской истории как революция 1917 года и гражданская война в России.

К сожалению, несмотря на свое уникальное знакомство с Ульяновым-Лениным, Алексей Иванович лишь вскользь характеризует этого политического деятеля. Из мемуаров, впрочем, видно, что автор отнюдь не восхищался своим бывшим учеником. Неприязнь мемуариста по отношению к Ленину вызвана тремя причинами — одной общего характера и двумя — личного.

Первая, общая причина заключается в том, что Алексей Иванович осуждал жестокие методы Советской власти — осуждал, даже вполне отдавая себе отчет в том, сколь велики были социальные и иные несправедливости и недостатки старой России. Впрочем, завершая в 1920-м свои мемуары, он оставался оптимистом и был убежден в том, что Россия возродится и вновь станет полноценным европейским государством.

Вторую, личную причину можно усмотреть в том, что «царь-коммунист» был виновником прекращения успешной карьеры автора воспоминаний. В самом деле, с установлением Советской власти Алексей Иванович лишился как имуществва, так и социального статуса. Его фактически разжаловали в «трюмную крысу корабля народного образования»¹¹.

Третьей, тоже личной причиной неприязни Алексея Ивановича к Ленину явно была несбывшаяся надежда на помощь

11. См.: Мемуары А.И. Ламберта, часть 2.

со стороны его бывшего ученика («[...] Я рассчитывал, что Ульянов, чей старший брат Александр был казнен за уехать из России мне поможет царь-коммунист Ленин, по участию в подготовке покушения на царя»¹³).

настоящей фамилии Ульянов, учившийся у меня в 1889 г.»¹²). В 1919 г., после более чем 30 лет царской службы, Алексей Иванович, так же, как и многие другие обрусевшие иностранцы, оказался перед нелегким выбором — остаться в России или все-таки уехать. Положение швейцарских граждан осложнялось еще и прекращением дипломатических отношений между Россией и Швейцарией. В этой ситуации Алексей Иванович решил уехать из России, а для этого обратился за поддержкой к своему экс-ученику, который уже руководил целой страной и намеревался, после мировой революции, стать вершителем судеб всего мира.

Однако Ленин перенаправил своего бывшего учителя к наркомому иностранных дел Г. В. Чичерину, который и выдал Алексею Ивановичу документы, дававшие право покинуть Россию через западную границу, транзитом через Минск. Однако следовать этим путем означало обречь себя на верную гибель. Ведь добраться до Минска тогда можно было тогда только гужевым транспортом, через леса, кишевшие разного рода бандами. Все это выглядит мелочным желанием неудачливого адвоката Ульянова отомстить тому, кто сумел в старой России сделать карьеру — карьеру, невозможную для самого Владимира вместе с сыном Алексеем все еще оставались в Одессе.

12. См.: Там же. См. также прим. 2 к настоящему изданию. — Прим. ред.

13. Подробнее см.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

со стороны его бывшего ученика («[...] Я рассчитывал, что Ульянов, чей старший брат Александр был казнен за уехать из России мне поможет царь-коммунист Ленин, по участию в подготовке покушения на царя»¹³).

настоящей фамилии Ульянов, учившийся у меня в 1889 г.»¹²). В 1919 г., после более чем 30 лет царской службы, Алексей Иванович, так же, как и многие другие обрусевшие иностранцы, оказался перед нелегким выбором — остаться в России или все-таки уехать. Положение швейцарских граждан осложнялось еще и прекращением дипломатических отношений между Россией и Швейцарией. В этой ситуации Алексей Иванович решил уехать из России, а для этого обратился за поддержкой к своему экс-ученику, который уже руководил целой страной и намеревался, после мировой революции, стать вершителем судеб всего мира.

Однако Ленин перенаправил своего бывшего учителя к наркомому иностранных дел Г. В. Чичерину, который и выдал Алексею Ивановичу документы, дававшие право покинуть Россию через западную границу, транзитом через Минск. Однако следовать этим путем означало обречь себя на верную гибель. Ведь добраться до Минска тогда можно было тогда только гужевым транспортом, через леса, кишевшие разного рода бандами. Все это выглядит мелочным желанием неудачливого адвоката Ульянова отомстить тому, кто сумел в старой России сделать карьеру — карьеру, невозможную для самого Владимира вместе с сыном Алексеем все еще оставались в Одессе.

12. См.: Там же. См. также прим. 2 к настоящему изданию. — Прим. ред.

13. Подробнее см.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

В целом мемуары Алексея Ивановича Ламберта — это пусть субъективный, но очень интересный источник по истории России начала XX века.

В заключение выражаем сердечную благодарность:

— Анзельму Цурфлу, доктору истории и этнологии, директору Музея швейцарцев за рубежом, главе издательства «Пант», а также издательству «Инфолио» за первое, французское, издание книги и за техническую поддержку подготовки окончательной версии русского издания;

— Наталье Борисовне Богдановой, дипломату и переводчику, бывшему вице-консулу Генерального консульства Российской Федерации в Женеве, первому секретарю Департамента лингвистического обеспечения МИД России, за компетентную редакторскую поддержку перевода мемуаров, оказанную в 2009 и 2011 гг.;

— Игорю Петрову, эксперту по швейцарской истории, автору вышедшей в 2006 г.¹⁴ единственной на русском языке фундаментальной монографии по истории Швейцарии, дипломату и переводчику, кандидату исто-

14. Петров И. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург, 2006. Презентация этой книги состоялась 12 июня 2006 г. в Швейцарской Национальной библиотеке в Берне в рамках торжеств по случаю 60-летия восстановления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией. Новая книга И. Петрова «Введение в историю Швейцарии» вышла сначала в Москве в марте 2012 г., а затем в Цюрихе, в «Библиотеке журнала «Русская Швейцария», в ноябре 2012 г. — Прим. сост.

рических наук, пресс-атташе посольства Российской Федерации в Швейцарии в 2002–2006 гг., координатору Российско-Швейцарского учебно-научного центра при РГГУ в 2008–2012 гг., руководителю русской редакции информационно-аналитического портала SWISSINFO. CH, за предисловия к французскому и русскому изданиям мемуаров, а также за оказанную им в 2011–2013 гг. компетентную редакторскую поддержку при подготовке комментариев к русскому изданию.

Александр ЛАМБЕРТ,
Виктор ЛАМБЕРТ

ИИЯ

-Сент-Обэн
циально за-
сейчас Лам-
упным вино-
ветви рода,
в конце XVIII
ах они были
ничавшей с
ВВ/СFF)¹⁵.

ция в Швей-
эрт эмигра-

е промыш-
Однако по-
шла лишь в
экономика
сь излишек
преимуще-
сей стране
вейцарский

атель (Швейца-
uchatel (Suisse).

рынок наводнил более дешевый английский текстиль, и многие лишились работы. К этому надо добавить регулярно случавшиеся неурожаи, наводнения и прочие бедствия; в общем, многие швейцарцы вынуждены были искать лучшей жизни за границей.

1882 и 1883 годы стали апогеем массовой эмиграции граждан Конфедерации из своей страны. Появилось множество агентств по организации эмиграции. Много швейцарцев уезжало в США — благо прогресс кораблестроения существенно сократил продолжительность путешествия за океан. Большинство эмигрантов были выходцами из сельских регионов, особенно из альпийских областей — кантонов Тичино, Граубюнден, Гларус, частично Валэ (регион Верхний Валэ) и Берн (регион Бернское Альпийское нагорье). Кантоны Невшатель, Ааргау, Берн, Базель (регионы Бернский Эмменталь, Бернское и Базельское Юрские нагорья), а также Цюрих (Восточная сельская область) процессы эмиграции затронули в меньшей степени.

Для молодых выпускников университетов возможности профессионального роста тогда были тоже весьма ограничены. Однако те из них, кто был готов покинуть родные места, могли сделать успешную карьеру в бурно развивавшейся Российской Империи. Правда, большинство тех, кто уезжал в Россию, составляли женщины. Если число отправлявшихся в Россию невшательских гувернанток в течение второй половины XIX в. непрерывно увеличивалось, то количе-

ШВЕЙЦАРЕЦ В ЦАРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Глава 1 Швейцария и Российская империя

Род Ламбертов происходит из общины Горжье-Сент-Обэн (Gorgier/St-Aubin) в кантоне Невшатель. Он официально зарегистрирован там с XV в.; проживающие там сейчас Ламберты владеют обширными виноградниками и крупным винодельческим предприятием. А представителем той ветви рода, из которой происходит Жак-Алексис Ламберт, в конце XVIII в. поселились в городе Невшатель. В XIX–XX веках они были известны своей транспортной фирмой, сотрудничавшей с Федеральной железной дорогой Швейцарии (SBB/CFF)¹⁵.

Какова была экономическая и социальная ситуация в Швейцарии в конце XIX в., когда Жак-Алексис Ламберт эмигрировал в Россию?

Швейцарию тогда отличали бурное развитие промышленности и значительный прирост населения. Однако по-настоящему стремительная индустриализация шла лишь в отдельных, более развитых районах. В целом же экономика страны еще не могла обеспечить работой весь излишек сельского населения. До этого он был занят преимущественно в кустарной, рассредоточенной по всей стране текстильной промышленности, но теперь швейцарский

рынок наводнил более дешевый английский текстиль, и многие лишились работы. К этому надо добавить регулярно случавшиеся неурожаи, наводнения и прочие бедствия; в общем, многие швейцарцы вынуждены были искать лучшей жизни за границей.

1882 и 1883 годы стали апогеем массовой эмиграции граждан Конфедерации из своей страны. Появилось множество агентств по организации эмиграции. Много швейцарцев уезжало в США — благо прогресс кораблестроения существенно сократил продолжительность путешествия за океан. Большинство эмигрантов были выходцами из сельских регионов, особенно из альпийских областей — кантонов Тичино, Граубюнден, Гларус, частично Валэ (регион Верхний Валэ) и Берн (регион Бернское Альпийское нагорье). Кантоны Невшатель, Ааргау, Берн, Базель (регионы Бернский Эмменталь, Бернское и Базельское Юрские нагорья), а также Цюрих (Восточная сельская область) процессы эмиграции затронули в меньшей степени.

Для молодых выпускников университетов возможности профессионального роста тогда были тоже весьма ограничены. Однако те из них, кто был готов покинуть родные места, могли сделать успешную карьеру в бурно развивавшейся Российской Империи. Правда, большинство тех, кто уезжал в Россию, составляли женщины. Если число отправлявшихся в Россию нештательских гувернанток в течение второй половины XIX в. непрерывно увеличивалось, то количе-

15. См.: Столетие (1855 г. – 1955 г.) фирмы ЛАМБЕРТ & КО. Невшатель (Швейцария), 1955. (Centenaire (1855–1955) de la maison LAMBERT & CIE Neuchâtel (Suisse)).

ство эмигрантов-губернеров росло куда медленней. В год отъезда Жака-Алексиса Ламберта (1884) из Невшателя в Россию женщин уехало в 20 раз больше, чем мужчин. Это был золотой век эмиграции невшательских губернанток; в последующие годы их количество слегка уменьшилось. Тем не менее — как показывает уже пример Жака-Алексиса Ламберта — немалые шансы были и у мужчин.

Обратимся к началу мемуаров Алексея Ивановича: «Россия, более, чем любая другая страна, всегда привлекала швейцарцев своими возможностями по достойному устройству трудовой жизни, причем не столько в коммерческой области, сколько в области образования. В последние годы наибольший интерес вызывали крупные промышленные центры с электростанциями и другими техническими предприятиями. Франкоязычная Швейцария всегда поставляла в Россию довольно солидный контингент губернеров и губернанток, которые собирались покинуть родину на год или два, но потом решили остаться в России насовсем, найдя там более широкие возможности и лучшие условия жизни».

Действительно наиболее интересные карьерные возможности для эмигрирующих в Россию швейцарцев открывались именно в образовательной сфере. Впрочем, Жак-Алексис отмечает и рост промышленной эмиграции. Напомним, что, если в Западной Европе промышленная революция вовсю развернулась уже в первые годы XIX в., то в России — только после Крымской войны 1853–1856 гг., в результате Вели-

ких реформ 1860-х–1870-х гг., начало которым положила отмена в 1861-м крепостного права Российской промышленность еще значительно отставала от западной, ей не хватало квалифицированных инженерных кадров — которые приходилось приглашать из Европы. Особенно привлекало западных специалистов начавшееся в 1860-е гг. в России бурное строительство железных дорог. В их собственных странах инженеров был избыток, а Россия представляла им заманчивые карьерные перспективы. Дельный иностранный инженер тогда легко мог достичь там высоких чинов (не надо забывать, что империи требовались и специалисты в новейших областях военной техники).

История же франкоязычных губернеров и педагогов-швейцарцев знает нескольких выдающихся коллег Жака-Алексиса. Самым знаменитым из них был, по-видимому, Фредерик-Сезар де Лагарп (Frédéric-César de la Harpe, 1754–1838) — губернер будущего императора Александра I. В том, что в 1815 г., на Венском конгрессе, при поддержке Александра I Швейцарии был обеспечен «вечный нейтралитет», велика и его роль. Губернером детей императора Николая II тоже был швейцарец из Невшателя — Пьер Жильяр (1879–1962). Швейцарские губернеры (особенно франкоязычные) были желанными гостями русских аристократов. Вспомним пушкинских Евгения Онегина и Дубровского — да и сам поэт «по-французски совершенно мог изъясняться и писал». Кстати, в России и Алексея Ивановича Ламберта, и его детей зачастую называли французами.

Швейцарские женщины вообще могли реализовать себя только в области домашнего воспитания детей. Другие возможности карьерного роста в Российской Империи для них были закрыты; так, они не могли поступать в университеты. Впрочем, такой возможности не имели и сами россиянки, не случайно среди первых женщин, учившихся в Цюрихском университете, были русские. Немало русских студентов было и в Женеве; одна из них давала в 1945–1946 гг. в Бухаресте уроки французского языка внуку Алексея Ивановича — Виктору Алексеевичу.

В целом 80 % эмигрировавших в Россию невшательцев были заняты в области образования, 13 % были коммерсантами или часовщиками и 7 % имели иные профессии. По своим деловым качествам и уровню образования швейцарские специалисты были сопоставимы с французскими и датскими эмигрантами-гугенотами. Большая часть из них вынуждена была вернуться на родину во время русской гражданской войны. Некоторые смогли это сделать уже только во время и после Второй мировой войны.

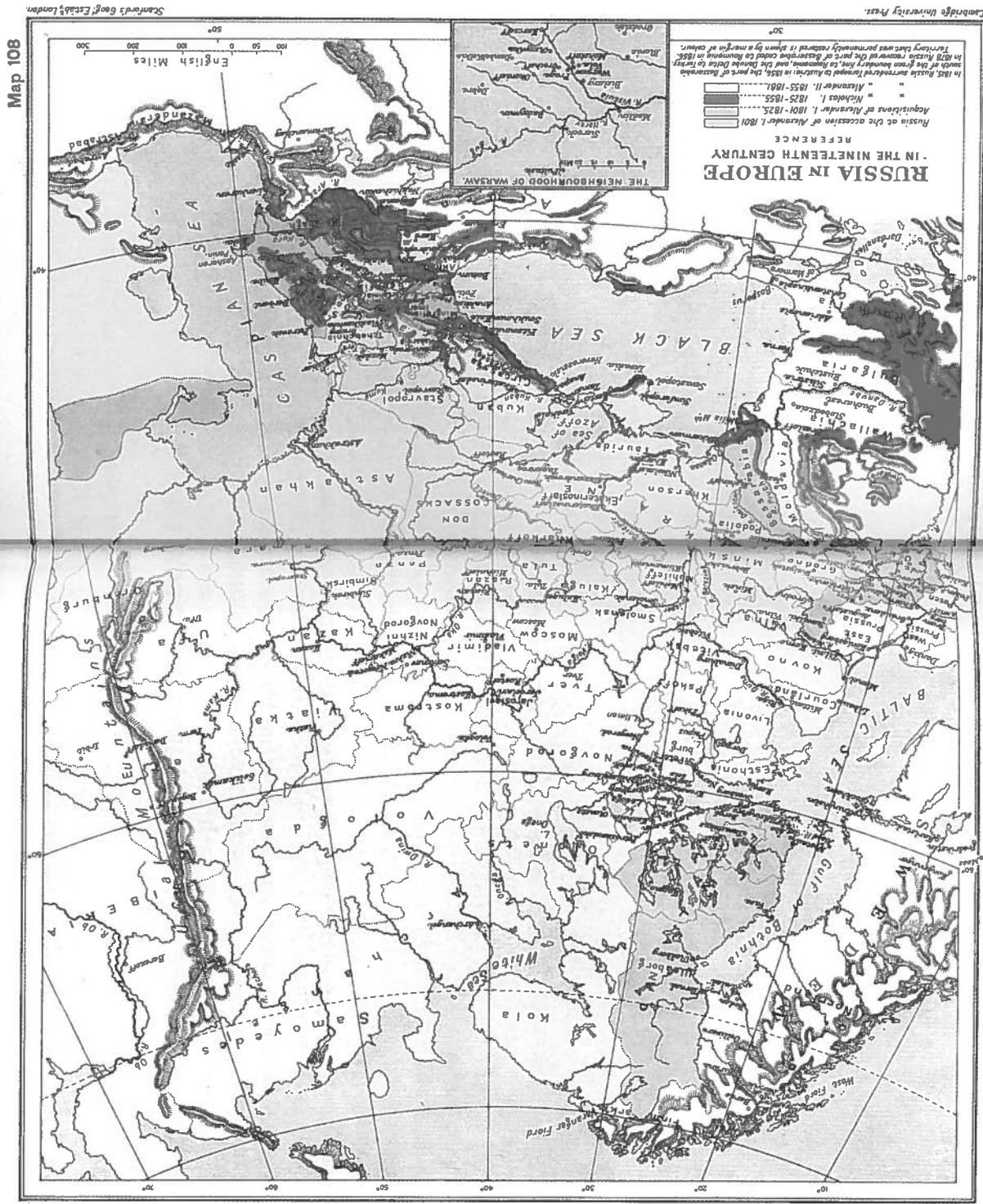
УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего действительно (стар)ший офицер 1-ой тяжелой батареи поручик Н.А. Ламберт, что подписью удостоверяется.
5 июля 1916 года.

(Круглая печать: «1-ая БАТАРЕЯ (?)-х дюймовых ГАУБИЦ»)

Командир батареи
Капитан (подпись)

Карта
европейской
части
Российской
империи.
XIX в.
Архив Музея
швейцарцев
за рубежом

Глава 2 Карьера и семья Алексея Ивановича Ламберта

А. И. Ламберт

СИМБИРСКЪ

Надворный Советник и Кавалер Алексей Иванович Ламберт.
Симбирск, 1899 г. Семейный архив Ламбертов

Будучи одним из наследников семейного предприятия, материальных забот Жак-Алексис не знал. Семейное предание гласит, что, закончив в 1884 г. университет в Невшателе, он сразу же был приглашен на должность гувернера в Россию, в Вятку. Поскольку, по его собственным словам, Россия «более, чем любая другая страна, всегда привлекала швейцарцев своими возможностями»¹⁶, 21-летний Жак-Алексис с радостью принял предложение и отправился в Россию.

У пригласившего его русского аристократа (фамилии которого семейное предание, к сожалению, не запомнило) служила гувернанткой София Ивановна, православная дочь дворянина лютеранского вероисповедания, помещика Сызранского уезда Симбирской губернии¹⁷ Ивана Адольфовича Бенземана. Жак-Алексис нашел в ней даму своего сердца и не замедлил сделать ей предложение. В итоге, вместо того, чтобы поработать в России год-два (как собирался вначале), он решил остаться в ней «насовсем, найдя там более широкие возможности и лучшие условия жизни»¹⁸.

При помощи молодой супруги, имевшей аттестат домашней наставницы¹⁹, швейцарец преодолел, «почти непре-

16. Мемуары А.И. Ламберта, часть 1.

17. См. раздел «Источники и литература». — Прим. пер.

18. Мемуары А.И. Ламберта, часть 1.

19. См. раздел «Источники и литература». — Прим. пер.

одолимые», по его словам, сложности произношения и синтаксиса²⁰ русского языка. Выучив в достаточной мере русский язык, он (очевидно, не без протекции «дяди Миши» — симбирского уездного предводителя дворянства Михаила Николаевича Зимнинского) стал государственным служащим — преподавателем французского языка в мужской гимназии города Симбирска. Здесь его имя и отчество (Яков-Алексей Иванович) окончательно обрусели и приобрели лучше звучащую форму «Алексей Иванович».

В общей сложности А.И. Ламберт прослужил, по его собственному выражению, «вдоль по Волге», в гимназиях Симбирска, Самары, Казани и Царицына, более 30 лет. Получив в 1885 г. чин титулярного советника, он стал (как и полагалось по этому чину) личным дворянином. Получить права потомственного дворянства — которые в то время давал лишь чин действительного статского советника — ему помешала революция. Этот чин (соответствующий армейскому чину генерал-майора) был у вышестоящего коллеги Алексея Ивановича — инспектора, а затем директора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова, отца Владимира Ленина. Венцом же служебной карьеры А.И. Ламберта стало производство в статские советники. Получив в

1898-м свой первый орден, он стал также именоваться Кавалером, т.е. орденоносцем.

В то время все уважающие себя гимназии имели свои оркестры. На фотографии тех лет мы видим оркестр Симбирской мужской гимназии во главе с молодым дирижером Алексеем Ивановичем Ламбертом. Музыка вообще стала его второй профессией. Будучи хорошим пианистом, он давал частные уроки игры на фортепьяно; его талант музыканта унаследовали все его потомки.

Русская революция и гражданская война вынудили Алексея Ивановича взять — «для лечения в Швейцарии» — ограниченный отпуск. На родине он в 1920 г. встретился с двумя из своих сыновей — Николаем и Иваном Алексеевичами. Третий сын, Алексей Алексеевич, остался в Одессе с большой матерью, для которой эвакуация по морю была невозможна. София Ивановна скончалась от сердечной болезни в 1921 г., а Алексей Иванович Ламберт прожил в своем родном городе Невшателе до 1942-го.

Семьи в дореволюционной России были многодетными. У супругов Ламберт родились одна девочка и пять мальчиков. Первый их ребенок, сын Алексей, по семейному преданию, пятилетним утонул в Волге. Родившаяся второй дочь Мария, став взрослой, вышла замуж за русского немца по фамилии Дитмар и поселилась с мужем в Тифлисе. На фотографии 1915 г. мы видим всю

20. Мемуары А.И. Ламберта, часть 1.

ее семью: саму Марию, двух ее детей и мужа в военной форме. Обстоятельства ее смерти в 1918 г. и дальнейшая судьба ее семьи неизвестны. О судьбе третьего ребенка Ламбертов, Владимира, известно лишь то, что после окончания Технологического института в Санкт-Петербурге он исчез в хаосе Гражданской войны. Очень многих разметала в разные стороны эта катастрофа...

Четвертый ребенок, Николай, тоже окончил Технологический институт. Сыновья иностранных подданных не подлежали призыву на военную службу, но в Первую мировую войну патристически настроенный Николай Алексеевич ушел на фронт добровольцем. Его, молодого офицера русской армии, можно видеть на фотографиях выпускников петроградского Павловского военного училища — вместе с которыми на переднем плане снялся император Николай II. Вернувшись на родину предков, Николай Алексеевич решил стать протестантским кальвинистским пастором и окончил теологический факультет Женевского университета. Женившись на русской поэтессе Елизавете Донской (Кутейниковой), он поселился с ней в женевском районе Паки. В дальнейшем Николай Ламберт руководил кальвинистской «Рабочей миссией» в Женеве и был директором Русского Библейского Общества во Франции и Швейцарии. Будучи членами экуменического движения, он и его супруга часто посещали СССР.

Пятый ребенок, Алексей (второй) — наш отец и дед, — следуя примеру старших братьев, окончил петроградский Технологический институт. Как уже упоминалось, в 1920 г. он остался в Одессе с большой матерью — где та спустя год и скончалась. В том же 1921-м начался нэп, и жизнь в Советской России стала относительно сносной. В конце нэповского периода Алексей Алексеевич женился на Елене Афанасьевой, дочери военного инженера генерал-майора Сергея Константиновича Афанасьева, ставшего после Октябрьского переворота «военспецом»²¹ на советской службе.

В начале 1930-х годов Алексей Алексеевич, как и многие другие, очутился в застенках ОГПУ, откуда, однако, ему удалось через полгода освободиться. Он нашел способ тайно обмениваться информацией с оставшейся на воле супругой и сослался на придуманное им знакомство с В.М. Молотовым (якобы учившимся вместе с ним в Казани в гимназии). Тем не менее стресс, связанный с пребыванием в большевицком застенке, тяжело отразился на здоровье Алексея Алексеевича. От этой травмы он, несмотря на неунывающий нрав, так никогда и не оправился. Таким образом, он является такой же жертвой большевицкого террора, как и те, кому не удалось перехитрить «Большого Брата». Уже в эмиграции шурин

21. Он имел четырех детей и умер в начале 20-х гг. в Москве. «Военспец» — сокращение от «военный специалист». — Прим. сост.

Алексея Алексеевича, хорошо его знавший Сергей Сергеевич Афанасьев рассказал его сыну, Виктору Алексеевичу Ламберту, как сталинский тоталитаризм травмировал его отца... Подобную травму Виктор Алексеевич и сам наблюдал позднее у многих бывших советских людей.

В 1944 г., накануне «освобождения» оккупированной румынами, но свободной от Советской власти Одессы, многим вкусившим свободной жизни одесситам пришлось бежать от «сталинской любви» «туда, где принимают». Семье Алексея Алексеевича и Елены Сергеевны Ламберт повезло больше, чем основной массе беглецов от «советского рая»²². Швейцарские паспорта они получили еще в 1943 г. — из швейцарского посольства в Бухаресте. Тем не менее, покинув Одессу 1 апреля 1944 г., за неделю до «освобождения», супруги Ламберт с сыном прибыли в Швейцарию только в октябре 1946 г. В войну трехдневная поездка может растянуться и на два с половиной года... В Швейцарии Алексея Алексеевича дипломатично признали жертвой военных событий и в 1955 г. дали небольшую пенсию (которой тот был вполне доволен).

Шестой ребенок Алексея Ивановича Ламберта, Иван, тоже поступил в Технологический институт, но революционные события помешали ему завершить учебу. Вернувшись в

22. Презрительное эмигрантское название СССР. — Прим. пер.

Статский Советник и Кавалер Алексей Иванович Ламберт.
Самара, июнь 1909 г. Семейный архив Ламбертов

Глава 3 Встреча с Лениным и возвращение в Швейцарию

В самом начале карьеры преподавателя Симбирской гимназии у Алексея Ивановича был ученик с тем же именем, которое он спустя год дал своему второму сыну — Владимир. Конечно, Ламберт не мог предвидеть ту роль, которую сыграет в истории его примерный ученик. Но он хорошо запомнил гимназиста Ульянова, который уже тогда полулегально изучал дома с друзьями марксизм. В 1920 г. он вспоминал, что «после блестяще сданных экзаменов» Владимир Ульянов «получил золотую медаль, несмотря на спор, возникший на педагогическом совете. Директор отказывался подтвердить решение большинства преподавателей о выставлении Ульянову высшего балла за поведение, поскольку он собирал у себя товарищей по гимназии и образовал вместе с Аладьиным (ставшим позднее одним из видных депутатов Второй Думы) группу марксистов, вдохновленных новыми социальными теориями»²³.

Как уже упоминалось, из-за старшего брата Александра, казненного за участие в подготовке покушения на царя, нормальная карьера для потомственного дворянина Владимира Ульянова²⁴ в Российской Империи была исключена. Экзамен на юриста он выдержал блестяще, первым из 180 кандидатов, но выбрал стезю профессионального революционера. Естественно, к нему стало проявлять постоянный

23. См.: Мемуары А. И. Ламберта, часть 2.

24. Дети действительного статского советника, т. е. потомственного дворянина, тоже были потомственными дворянами. — Прим. пер.

интерес охранное отделение департамента полиции МВД (так называемая «охранка»), и он дважды оказывался вынужден эмигрировать и жить за границей — в том числе и в Швейцарии.

Но первым швейцарцем, с которым встретился в своей жизни Ленин, был Алексей Иванович Ламберт. В этом смысле он вполне может быть поставлен в ряды таких швейцарских педагогов, как воспитатель Александра I Фредерик-Сезар де Лагарп и гувернер детей Николая II Пьер Жильяр. И можно предположить, что первое впечатление Владимира Ульянова о Швейцарии не было отрицательным. Во всяком случае, известны положительные высказывания Ленина о Женеве. Этот город был русским зарубежным марксистским центром. Еще 25 августа 1883 г. русский революционер Георгий Плеханов создал там марксистскую группу «Освобождение труда». Сам Ленин был активным посетителем женевских библиотек. В музее Женевского университета Виктор Алексеевич Ламберт написал его роспись (конечно, еще не «Lépine», а «Ouilanov») в книге посетителей библиотеки.

К началу 1920-х годов почти половина «русских» швейцарцев вернулась на родину. Россия была истощена Первой мировой войной и, главным образом, революцией и гражданской войной. Заслуживает особого внимания тот факт, что, проживая в 1918–1919 гг. в Царицыне, будучи в самой гуще событий, и имея, через своих бывших

учеников, тесные связи со штабами и «красных» и «белых», Алексей Иванович явно нигде ничего не слышал о Сталине, который позже изображался как организатор и герой обороны Царицына от белых. Сталина он никак не упоминает вовсе. Это и понятно: реальный Сталин и миф о нем — это, как говорят в Одессе, две большие разницы... В мемуарах Алексея Ивановича фигурируют лишь те представители «ленинской гвардии», которые на самом деле тогда играли видные роли. Оттесненным к границам империи белым армиям несколько раз удавалось перегруппироваться и перейти в наступление. Однако, как известно, гражданская война завершилась победой красных. Алексей Иванович оказался в гуще событий, был свидетелем ожесточенных боев между красными и белыми за Царицын, слышал, как красноармейцы на митингах клялись до последней капли крови защищать свой «красный Верден». Заслуживает особого внимания тот факт, что, проживая в 1918–1919 гг. в Царицыне, будучи в самой гуще событий, и имея, через своих бывших учеников, тесные связи со штабами и «красных» и «белых», Алексей Иванович явно нигде ничего не слышал о Сталине, который позже изображался как организатор и герой обороны Царицына от белых. Сталина он никак не упоминает вовсе. Это и понятно: реальный Сталин и миф о нем — это, как говорят в Одессе, две большие разницы... В мемуарах Алексея Ивановича фигурируют лишь те представители «ленинской гвардии», которые на самом деле тогда играли видные роли.

После захвата власти большевиками политическая и экономическая ситуация как для аристократии, так и для среднего класса стала критической. Они подвергались притеснениям, их лишали работы, собственности и вообще средств к существованию. Сознал ли при этом Ленин, что его отец тоже был «буржуем», и что он, Ленин, сам был воспитан на «награбленные богатства»²⁵? Так или иначе, «буржуи» задумались об эмиграции. Почувствовав, что силы его иссякают, Алексей Иванович тоже решил возвращаться в Швейцарию.

Не совсем ясно, как Алексею Ивановичу удалось избежать репрессий: ведь он явно не испытывал никаких симпатий по отношению к новым хозяевам жизни. Для этого у него были все основания. Вот, например, приведенная им в воспоминаниях речь большевицкого²⁶ функционера, произнесенная в октябре 1918 г. в Царицыне перед преподавателями и учениками «единой трудовой школы»:

«Наш корабль народного образования гордо идет вперед по океану пролетарских масс. Меня назначили на должность

лоцмана, и, поскольку нам требуются закаленные, испытанные моряки, мы вынуждены привлечь интеллигенцию, т.е. преподавательский коллектив старого режима, этих трюмных крыс, которых нельзя уничтожить всех сразу и которые остаются и питаются тем, что найдут. Так вот, товарищи коммунисты, для них, для этой интеллигенции, мы сделали золотую клетку, в которую бросаем им хорошее сало и сыр, но при первой же попытке бунта мы можем придумать их во славу нашей всемирной революции!»

Поставим себя на место «преподавательского коллектива старого режима» — вынужденного с почтением выслушивать глупости молодого большевицкого дилетанта от образования. «Трудно поверить, — пишет Алексей Иванович, — чтобы человек, имеющий за плечами обширный жизненный опыт, мог произнести подобную речь, но если вспомнить, что бразды правления были в руках русской молодежи, то речь этого студента второго курса, ставшего комиссаром народного образования, совсем не покажется удивительной».

Своей относительной неприкосновенностью Алексей Иванович был, очевидно, обязан тому обстоятельству, что все большевики, начиная с Ленина, были о Швейцарии весьма высокого мнения. Кроме того — хотя сам Алексей Иванович об этом не пишет, — вполне возможно, что, разговаривая с большевицким начальством, он вскользь упомянул, кому в свое время преподавал французский.

25. «Грабь награбленное!» — один из «заветов Ильича», к сожалению все еще не забытый. — Прим. сост.

26. Если партия состоит из «большевиков», то она должна именоваться «большевицкой», членами же «большевистской» партии могут быть только не известные русскому языку «большевицы». Ленин совершил насилие даже над русским языком, но в неподвластном ему тексте российского эмигранта ленинского вариант абсолютно неуместен. — Прим. пер.

Возможно, это и была та козырная карта, которую он разыгрывал в сложных ситуациях. Хлопоча о возвращении в Швейцарию, Алексей Иванович тоже надеялся именно на этот козырь. Добившись приема у Ленина и прибыв в Кремль, он снова столкнулся с картиной слова «старого мира», осуществлявшегося новой властью.

«Какие перемены: нет больше красивых ковров, паркета, прекрасных картин, отделанных потолков, позолоченных люстр. Пустые залы, некрашенный паркет — все это больше напоминало казармы. Сам он (Ленин. — Сост.) занимал три комнаты на втором этаже, а на первом находилась его канцелярия, где шесть молодых девушек стучали на своих пишущих машинках. На стенах — портреты Карла Маркса и других вождей партии социалистов, конституция Советов, декреты и лозунги: «Кто не работает, тот не ест», «Излагай свою просьбу ясно и коротко», «Обычные приветствия и рукопожатия отменены» и т.д. Секретарь Ленина, высокая и сухая женщина с пенсне на длинном тонком носу, спросила меня о цели моего визита. Я представил ей мои документы. «Время товарища Ленина настолько драгоценно, — сказала она мне, — что он не может вас принять по такому ничтожному поводу». «Но мне срочно нужно с ним поговорить, — ответил я ей. — Я хотел бы, чтобы он дал мне возможность вернуться в Швейцарию»²⁷.

27. См.: Мемуары А.И. Ламберта, часть 2.

Прием Лениным своего бывшего учителя состоялся, но был более чем краток. «Через открытую дверь я увидел мельком Ленина за его письменным столом. Его лысая голова терялась в нагромождении бумаг, приведением которых в порядок он и был занят. После короткой беседы²⁸ мне выдали карточку с направлением к комиссару иностранных дел Чичерину в бывшую гостиницу «Метрополь», одну из самых больших в Москве. Там я получил пропуск через Минск, находившийся в то время на польском фронте, а оттуда я должен был пробираться дальше на собственный страх и риск»²⁹.

Оценку этой ленинской «милости» мы уже дали. Выхать из объятий гражданской войны России было не так-то просто. На помощь швейцарского дипломатического представителяства Алексей Иванович явно не рассчитывал, хотя еще 17 мая 1919 г. швейцарское консульство в Москве направило от имени «русских» швейцарцев следующую телеграмму в Берн:

«Министерству иностранных дел в Берне.

В какой день отправится ожидаемый здесь эшелон с русскими³⁰ и по какому маршруту он проследует? Русское правительство даст зеленый свет четвертому поезду со швейцарцами, отправка которого намечена на 26 мая,

28. Секретарши с Лениным. — Прим. пер.

29. См.: Мемуары А.И. Ламберта, часть 2.

30. Солдатами русского экспедиционного корпуса, воевавшего в Первую мировую войну во Франции. — Прим. пер.

только при условии, если швейцарское правительство похотатайтствует об обеспечении свободного транзита эшелона с русскими в тех странах, по которым эшелон должен проследовать, соответственно соглашениям, заключенным между министром Жюно и народным комиссаром Караханом. Большинство из зарегистрированных швейцарцев продали уже все (поскольку им еще оставалось что продавать). Многие из них — это лица, прибывшие в Москву из провинции. Задержка поезда поставит их в безвыходное положение. Ждем ответа по радио.

Комитет швейцарской колонии в Москве».

Что касается нашего деда и прадеда, то продавать ему было особенно нечего. В нашем семейном архиве сохранилась скрепленная печатью с серпом и молотом справка от 1 декабря 1919 г., выданная начальником «Самарского Губернского Уголовно-Розыскного Отдела гр. Алексею Ивановичу Ламбер в том, что им 29 августа действительно заявлено о краже у него», что стоимость украденного составляет 4000 рублей и что «дознания и розыск производятся». На положительный результат этого «дознания и розыска» надеяться, разумеется, не приходилось.

Еще до этого, в апреле 1919 г. Алексею Ивановичу предоставили заграничный отпуск. Еще одна справка с серпом и молотом на печати гласит:

Р.С.Ф.С.Р.

Отдел Народного Образования

Царицынского

Единой Школы

Преподавателю 1-й советской школы

2-й ступени 1-го района Имени Толстого

А.И. Ламберу

II отдел Единой Школы сообщает, что постановлением Коллегии Отдела Народного Образования от 17-го сего апреля разрешен Вам отпуск в г. НЕВШАТЕЛЬ (Швейцария) с 1-го мая по 15-е сентября с/г согласно Вашего ходатайства от 17-го сего апреля.

28/IV 1919 № 307

Зав. II отделом Единой Школы (подпись)

Секретарь (подпись)

За делопроизводителя (подпись)

Не сумев выехать из России морским путем, через Балтику (этот путь был закрыт блокадой) и отказавшись от идеи ехать через Минск, Алексей Иванович вернулся в Царицын. Там он пережил еще одну смену власти. Об этом свидетельствует еще одна справка — где на печати уже двуглавый орел:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Директор Царицынской
Александровской гимназии.
8 октября 1919 г. № 816

Сим удостоверяю, что Алексей Иванович Ламбер
состоит штатным преподавателем вверенной мне гимназии.
и.о. директора (подпись)

Только оказавшись частью волны белых беженцев, Алексей Иванович смог попасть в Новороссийске, с помощью французского консула, на французский пароход «Буэнос-Айрес». 15 января 1920 г. он добрался на нем до Марселя и уже на другой день прибыл в Женеву. Ему было тогда 57 лет.

Как уже упоминалось, тяжело больная супруга Алексея Ивановича, София Ивановна, осталась с сыном Алексеем в Одессе. Выданная 28 июля 1921 г. «Одесской Старой Городской Больницей», переименованной в «1-ю Советскую Народную Больницу имени тов. Ж. Елина», справка № 1984 свидетельствует, что «больная София Ламберт находилась на пользовании въ (этой) больнице съ 16/ VII по настоящее время от болезни сердца».

А квитанция поддела управления кладбищами № 4186 от 13 августа 1921 г. указывает место, где София Ивановна была похоронена — «могила № 10»...

числсь официально в заграничном отпуске, в мае 1920 г. Алексей Иванович обратился в миссию Российского Красного Креста в Швейцарии с запросом относительно возможности возвращения в Россию. Факсимиле обоих отрицательных ответов воспроизведены в настоящем издании в разделе иллюстраций. Если первый ответ, от 21 мая 1920 г., был адресован еще «милостивому государю», то второй, от 8 июня — уже «тов. А. Ламберу». Возможно, именно после этого у «тов. Ламбера» пропала всякая охота «возвращаться на родину».

Заклучение Семья Ламбертов и Россия

Наша семья всегда сохраняла связь с Россией. Мы особенно старались сохранить память о наших русских предках. Мы знаем, например, что один из них, наш прадед и прапрадед со стороны нашей матери и бабушки Елены Сергеевны Афанасьевой, Иван Кривошеин, был одним из «севастопольских героев»³¹. Мемориальная доска в память открытия в 1911 г. Большеохтинского моста в Санкт-Петербурге напоминает, что этот мост строил племянник Ивана Кривошеина, наш троюродный дед и прадед известный мостостроитель Григорий Григорьевич Кривошеин. В 1918 г. он стал главным инженером Волховстроя в 1919-м был арестован, но в 1921-м смог эмигрировать. В эмиграции он стал профессором Пражского университета и строителем еще одного моста, поменьше — в Лозанне. Алексей Иванович Ламберт тоже в известном смысле «наводил мосты» между Швейцарией и Россией.

Эти традиции в нашей семье мы сохраняем и по сей день. Один из нас, Виктор Алексеевич Ламберт стал «инженером по сбыту технического оборудования» и выполнял традиционную семейную миссию «наведения мостов» между Швейцарией и Россией, будучи торговым представителем. На вопросы своих московских деловых партнеров о том, как он смотрит на возвращение на родину, Виктор Алексеевич отвечал: «А я уже, в известном смысле, вернулся!»

31. Почетное звание, которое участники обороны Севастополя в 1854–1855 гг. получили по случаю 50-летия этой эпопеи. — Прим. пер.

Александр Викторович Ламберт тоже активно содействует «наведению мостов» между Швейцарией, Россией и Украиной. В Симферополе в январе — феврале 2000 г. он получил возможность участвовать в международном colloquium, посвященном Ялтинской конференции. Там он встретился с большим интересом со стороны украинской прессы к истории семьи Ламбертов³² и принял твердое решение опубликовать мемуары своего прадеда.

То, что пережила наша семья, вписывается в общую картину судеб многих русских швейцарцев — разбросанных революцией, но все равно очень привязанных к России.

32. Машенко А. Необыкновенные приключения Ламбертов в России. Прадед Александра Ламберта Жан-Жак Ламберт учил французскому языку Ульянова (Ленина)//Крымское Время (Симферополь), 11 февраля 2000. С.3. См. прим. 6 к настоящему изданию.

Коллежский Ассессор и Кавалер
Алексей Иванович Ламберт.
Симбирск, апрель 1898 г.
Семейный архив Ламбертов

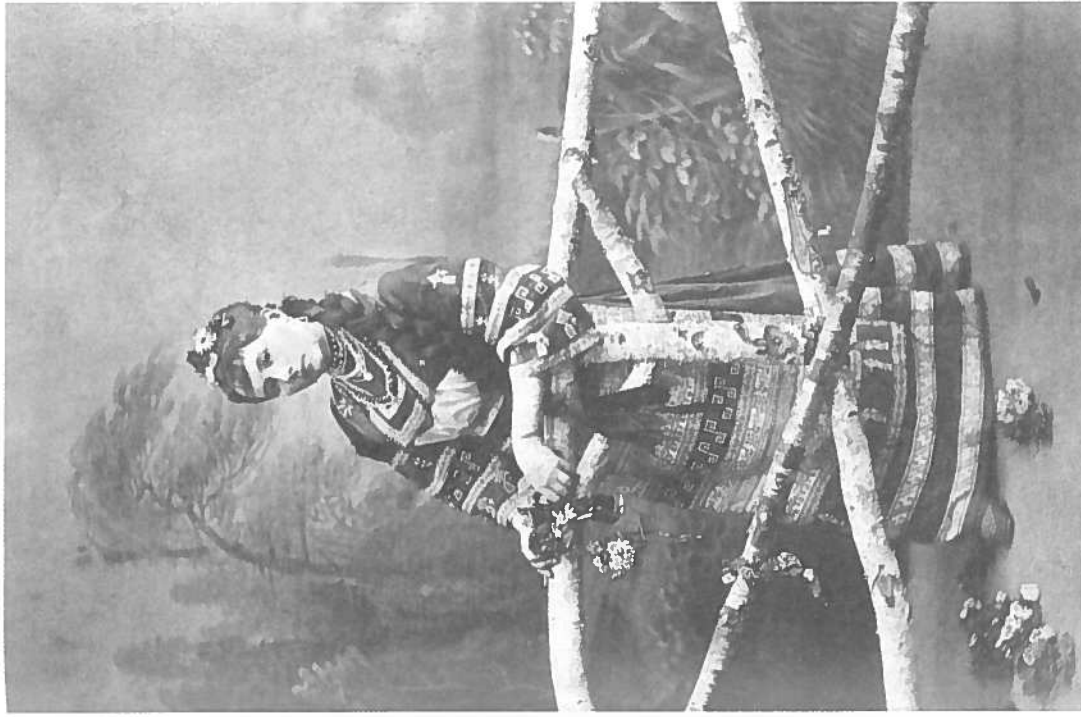
Оркестр Симбирской мужской гимназии.
Дирижирует Алексей Иванович Ламберт.
Около 1885 г. Семейный архив Ламбертов

1909

A mes très chers Parents!
Alexandre, Alexandre Lambert
Commandant d'Etat
de Russie.
 LAMBERT
 COMMANDEUR
 M^r 1909

Статский Советник и Кавалер Алексей Иванович Ламберт.
 Самара, июнь 1909 г. Семейный архив Ламбертов

София Ивановна Бензема,
 невеста Алексея Ивановича Ламберта.
 Саратов, около 1875 г. Семейный архив Ламбертов.

Симбирскъ

Л. П. Ланке

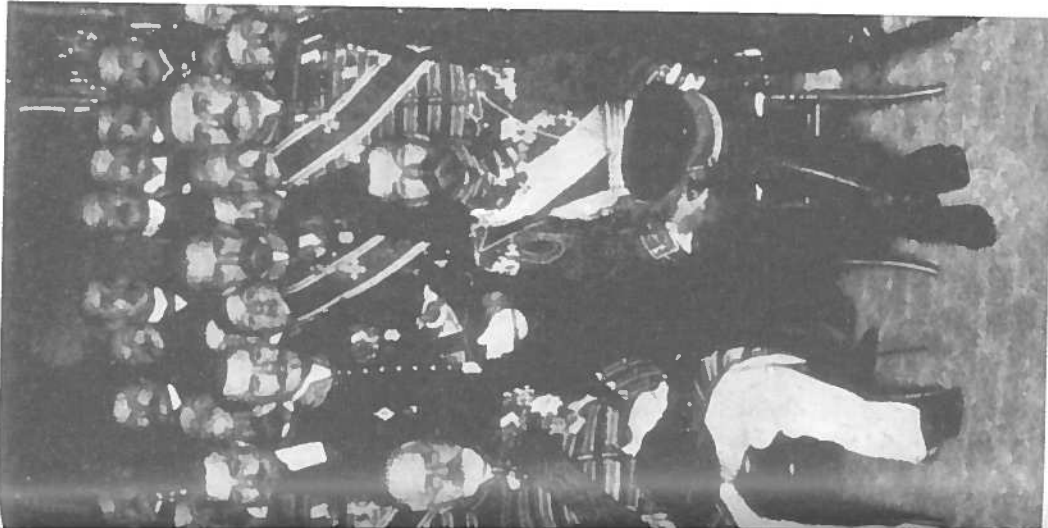
Дети Алексея Ивановича и Софии Ивановны Ламберт:
Иван, Владимир, Николай, Алексей, Мария.
Симбирск, 1896 г. Семейный архив Ламбертов

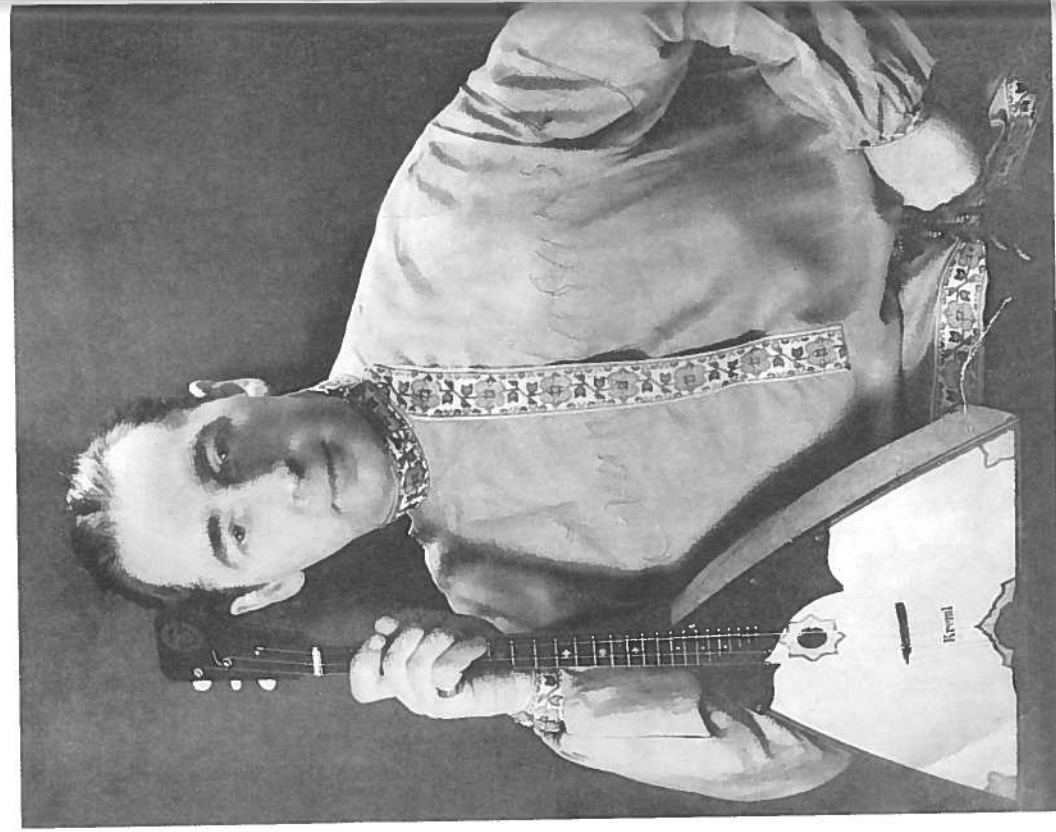
Демобилизованный поручик Николай Алексеевич Ламберт.
Женева, апрель 1920 г. Семейный архив Ламбертов

Подпоручик Николай Алексеевич Ламберт.
Первая мировая война, 1915 г. Семейный архив Ламбертов

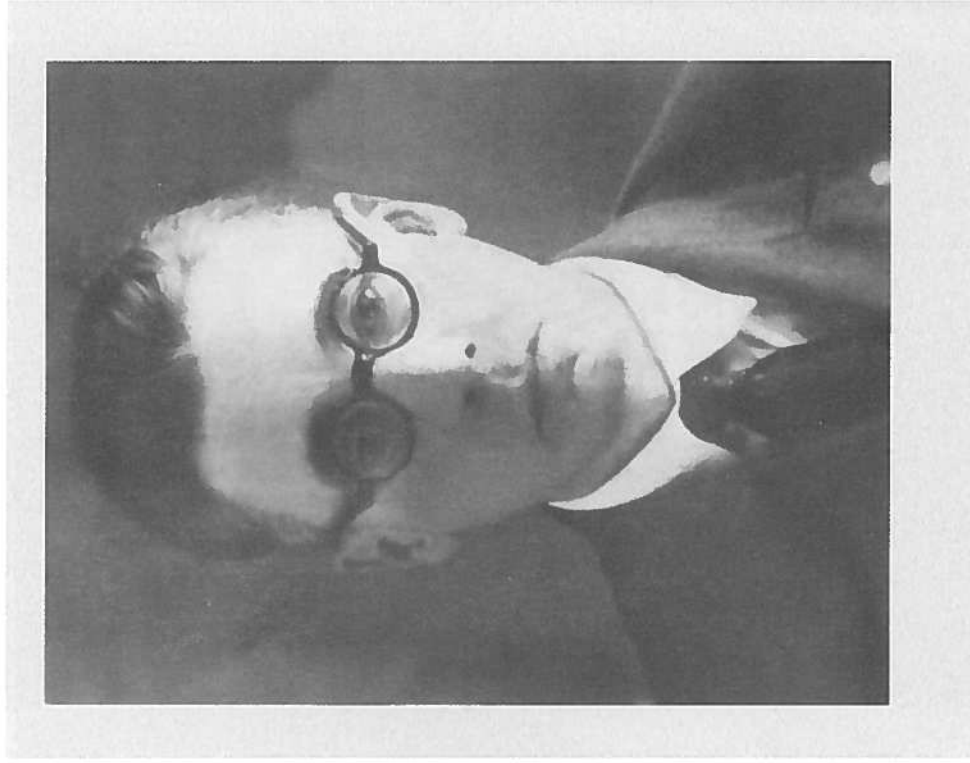
Император Николай II на производстве выпускников Павловского военного училища. Вверху, позади сановника с темной бородой, — Николай Алексеевич Ламберт. Петроград, 1915 г. Семейный архив Ламбертов

Иван Волгин (Иван Алексеевич Ламберт),
руководитель оркестра балалаечников.
Цюрих, около 1930 г. Семейный архив Ламбертов

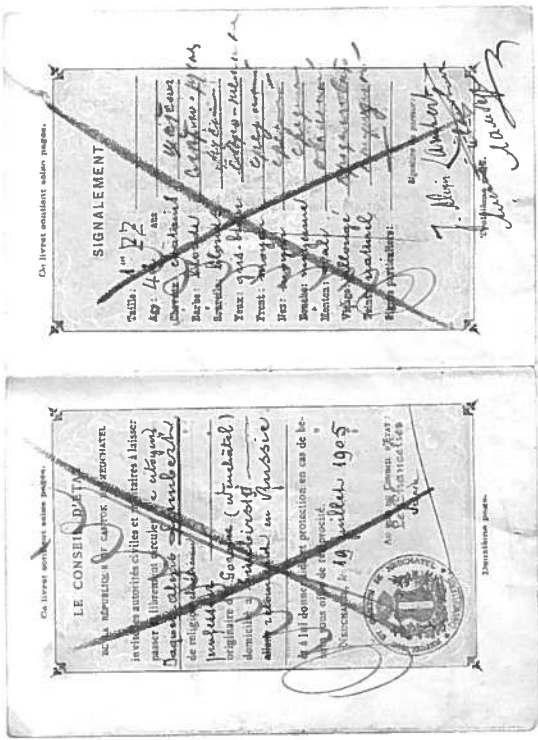
Алексей Алексеевич Ламберт (в верхнем ряду, в центре),
отец Виктора и дед Александра Ламбертов, с товарищами
по Казанскому Первому реальному училищу.
Казань, 1909 г. Семейный архив Ламбертов

Инженер Алексей Алексеевич Ламберт,
отец Виктора и дед Александра Ламбертов.
Одесса, около 1935 г. Семейный архив Ламбертов

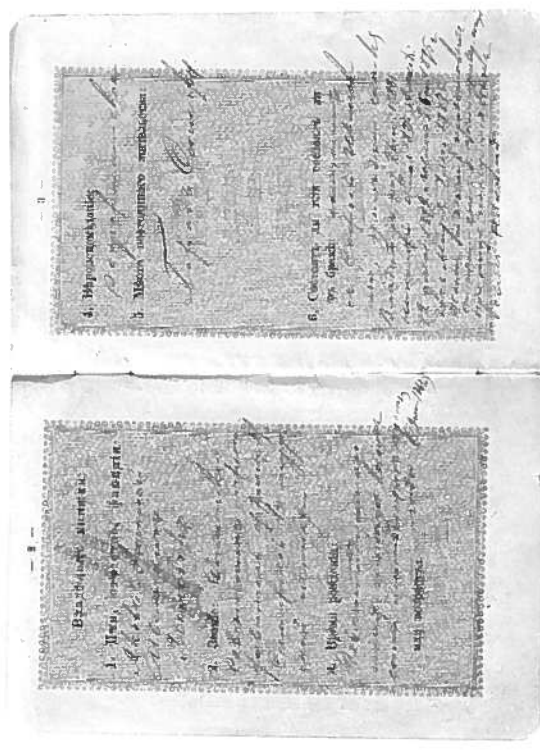
Елена Сергеевна, супруга Алексея Алексеевича
Ламберта, мать Виктора и бабушка Александра
Ламбертов, дочь русского военного инженера
генерал-майора Сергея Константиновича Афанасьева,
Одесса, 1943 г. Семейный архив Ламбертов

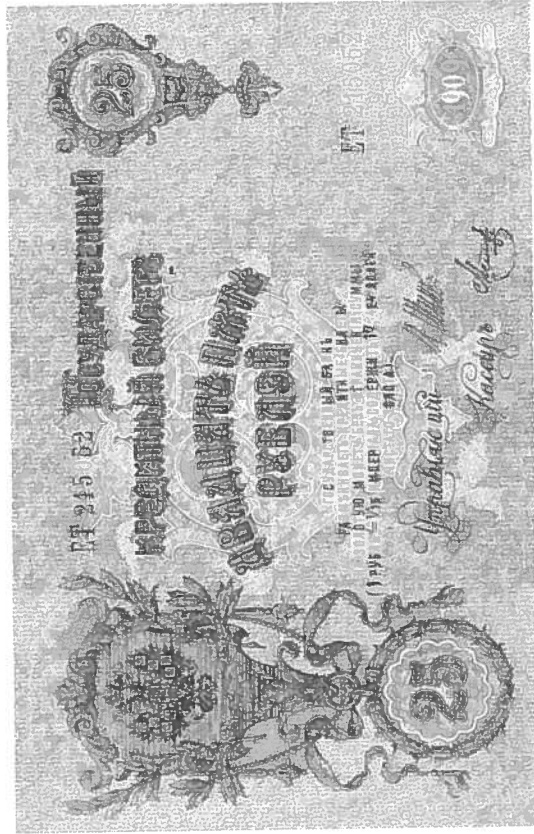

Швейцарский паспорт Жака-Алексиа Ламберта
(для России, Румынии, Греции, Египта и Турции).
Выдан в 1905 г., продлен в 1908 г.
Семейный архив Ламбертов

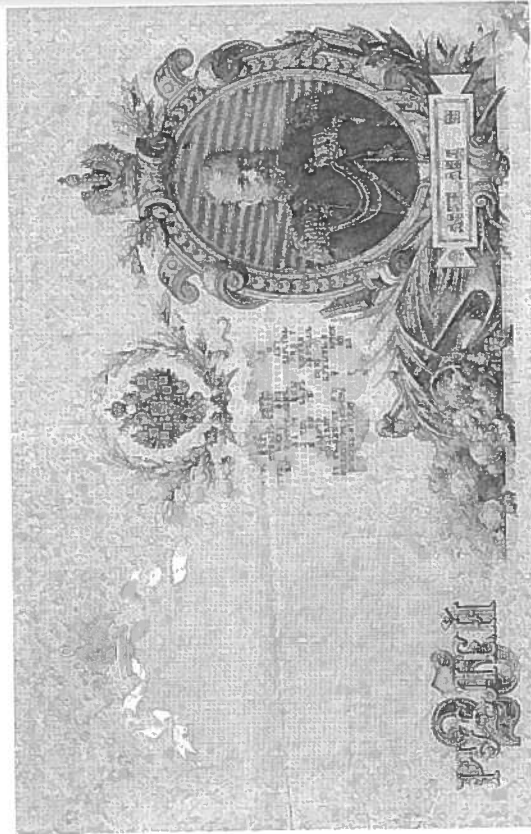

Российский паспорт Алексея Ивановича Ламберта, 1909 г.
Выдан директором Самарской 1-й мужской гимназии
«на основании формулярного списка службы».
Семейный архив Ламбертов

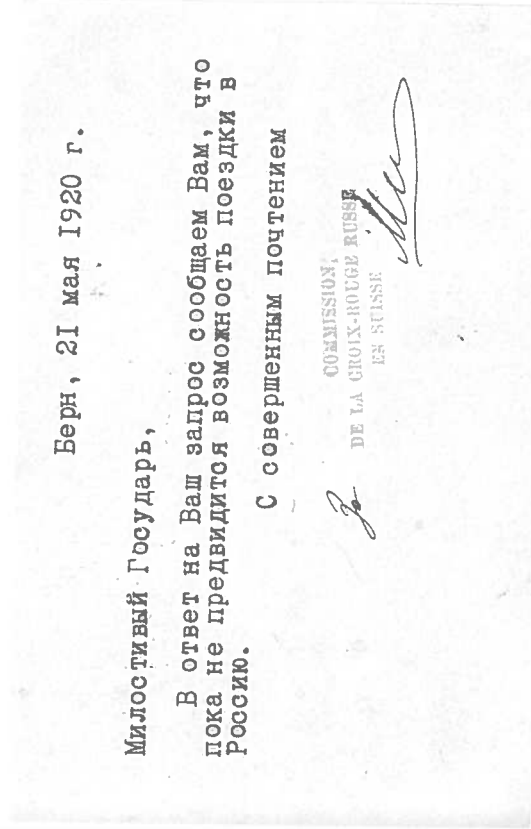

Банкнота в 25 рублей, Россия, 1909 г.
Семейный архив Ламбертов

Почтовая карточка, присланная «милостивому государю А. Ламберу» из миссии Русского Красного Креста в Швейцарии. Май 1920 г. Семейный архив Ламбертов

Почтовая карточка, присланная «милостивому государю А. Ламберу» из миссии Русского Красного Креста в Швейцарии. Май 1920 г. Семейный архив Ламбертов

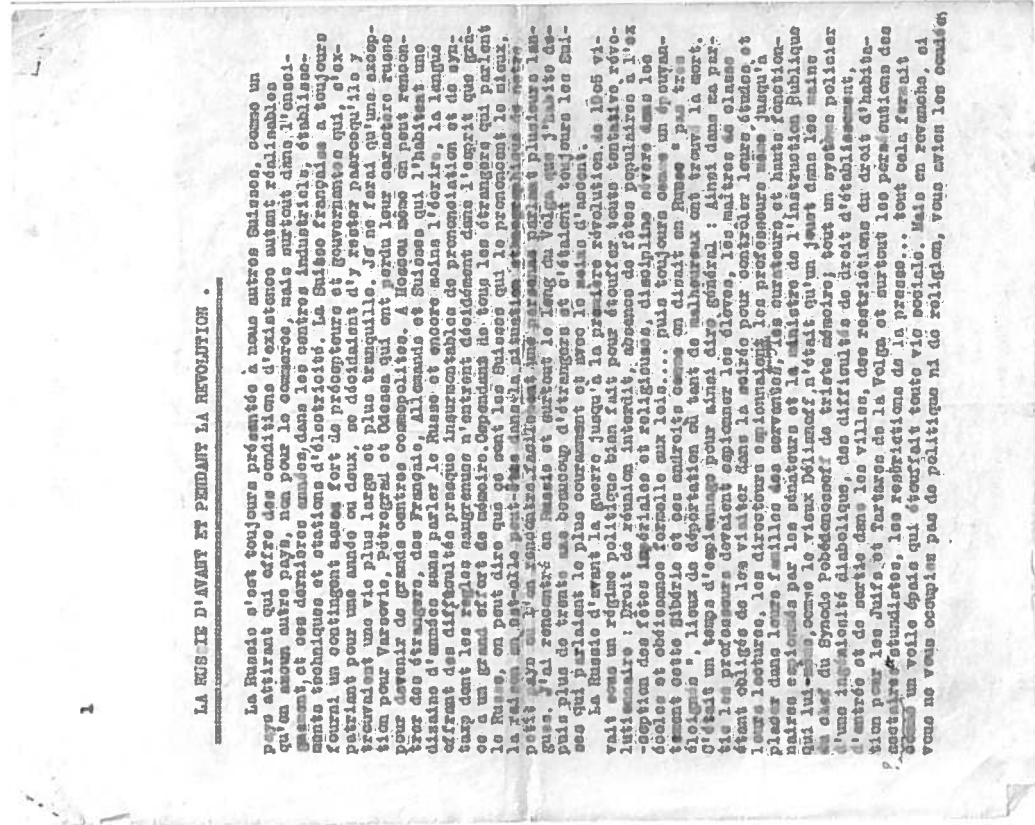
МЕМУАРЫ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ЛАМБЕРТА

Часть 1 Россия до и во время революции

Россия, более, чем любая другая страна, всегда привлекала швейцарцев своими возможностями по достоянному устройству трудовой жизни, причем не столько в коммерческой области, сколько в области образования. В последние годы наибольший интерес вызывали крупные промышленные центры с электростанциями и другими техническими предприятиями. Франкоязычная Швейцария всегда поставляла в Россию довольно солидный контингент гувернеров и гувернанток, которые собирались покинуть родину на год или два, но решали остаться в России насовсем, найдя там более широкие возможности и лучшие условия жизни.

Исключение из общего правила я сделал бы только для Варшавы, Петрограда и Одессы, утративших свой русский характер³³ и превратившихся в крупные космополитичные центры. Однако даже и в самой Москве можно встретить иностранцев — французов, немцев и швейцарцев, — проживших там уже десяток лет, но не говорящих и тем более не пишущих по-русски. Язык этот создает

Машинописная копия рукописи мемуаров Алексея Ивановича Ламберта «Россия до и во время революции». 1920 г. Семейный архив Ламбертов

33. Покорнейше прошу поляков не обижаться на моего деда за «русский» город Варшаву. Ведь во время правления «царя польского» Николая II они были его лояльными подданными. Это мне доподлинно известно от моего отца, Алексея Алексеевича Ламберта, который проходил в 1914 г. практику на Варшавско-Венской железной дороге. — Прим. пер.

нам почти непреодолимые затруднения в части произношения и синтаксиса; его нелепые правила положительно входят в сознание только после крайнего напряжения памяти³⁴. Однако можно утверждать, что из всех говорящих по-русски иностранцев именно у швейцарцев самое лучшее произношение. Причина, возможно, кроется в этнографической ситуации нашей маленькой страны, где легко встретить людей, говорящих на нескольких языках. В России, особенно вдоль по Волге, где я живу уже более тридцати лет, я встречал многих иностранцев, и из них именно швейцарцы наиболее свободно и с наименьшим акцентом говорили по-русски.

До первой революции 1905 года политический режим довоенной России был направлен на удушение малейших революционных поползновений: запрет на собрания, отсутствие народных праздников (за исключением церковных и царских), строгая дисциплина в школах и строгое подчинение законам... В качестве устрашения представляли пресловутая Сибирь и вообще места, как говорят русские, «не столь отдаленные» — места ссылки, где стольких несчастных настигла смерть. Это было время всеобщей слежки: так, в моем кругу преподаватели должны были следить за учениками, классные наставники обязаны были навещать своих подопечных по

34. Это напоминает мне мои собственные затруднения с нелепыми правилами французского правописания. — Прим. пер.

вечерам и проверять, как они занимаются и что читают; директора шпионили за преподавателями, при этом доходило даже до устройства в дома этих последних подкупленной прислуги. За инспекторами и другими высокопоставленными чиновниками шпионили сенаторы и министр народного просвещения — который и сам, подобно прежнему Делянову, был всего лишь игрушкой в руках недоброй памяти главы Синода, Победоносцева. Дьявольски изобретательная полицейская система, затруднения в получении вида на жительство, во въезде и выезде из городов, ограничение права на проживание для евреев и волжских татар, особенно жестокое преследование сектантов и штундистов, ограничение свободы прессы — все это создавало нечто вроде плотной пелены, под которой задыхались любые формы общественной жизни.

Зато, если вы не занимались ни политикой, ни религией, то вас никто не притеснял. Правительство, формировавшее три четверти государственного бюджета за счет монополии на продажу водки, закрывало глаза на оргии крупных собственников и богатых купцов, а бедные крестьяне и рабочие жили в беспребудном пьянстве. Кабаки в деревнях и рестораны в городах — это и был запатентованный правительством предохранительный клапан громадного социального котла. Через него, утолщенные во всеобщем пьянстве, и выходили все стремления к свободе и к лучшей жизни.

Однако чувствовалось, что такая жизнь не может больше продолжаться, и в первые годы двадцатого столетия произошел перелом. Колосс на глиняных ногах дрогнул. Чувствовалась потребность в собраниях, в городах возникли музыкальные общества, открывались кружки чтения, начали рваться путы, связывавшие свободу печати, оживилась критика, шли разговоры о реформах — и вот при Николае II начали понемногу исчезать следы реакционного режима Александра III. Правда, первый всплеск свободы в 1905 году был задушен, и реакция вновь дала о себе знать. Особые комиссии тысячами отправляли несчастных в ссылку. С одной стороны, чтобы поддержать и спасти абсолютизм, Николай II обратился к религии. С большой помпой он совершил поездку в Саров Нижегородской губернии на церемонию канонизации Св. Серафима. В то же время, надеясь поднять свой народ с колен, он решил перестать быть торговцем водкой. Но было уже поздно... Революционный ветер задул в России, люди уже не верили в «царя-батюшку». Вся иерархическая система империи зашаталась; народные избранники, депутаты Думы подняли перчатку, брошенную им не способными изменить ситуацию министрами, и пришли в возмущение, наблюдая, как Россией правит грязный мужик Распутин.

«Революция в верхах» уже готова была разразиться, когда началась Великая война³⁵ — отсрочившая роковой момент.

35. Так по-французски называется Первая мировая война. — Прим. пер.

Россия мобилизовалась и, выполняя свои обязательства по отношению к французскому союзнику³⁶, двинулась в поход на Германию. Сначала были некоторые успехи в Восточной Пруссии, а также в Австрии (до Карпат), но русский Генеральный штаб и высшее командование — роковым образом направляемые немецкой кликой из погрязшего в предательстве окружения императрицы — не смогли воспользоваться плодами дорого доставшихся побед. Из-за нехватки боеприпасов победителям Перемышля и Кракова пришлось отступить под немецким нажимом, потерпев страшное поражение.

Между тем революция все-таки началась. Это было в начале 1917 года. Люди хотели полной свободы — свободой личности, передвижения, собраний, слова, печати, и, в особенности, полного упразднения произвола в государственном механизме и политической жизни России. Хотели ответственных перед народом министров. Революционный лагерь образовывали тогда три партии. В первую входили представители левого крыла среднего класса; их назвали кадетами, что означало «конституционные демократы» (это название сокращалось как «К.-Д.»). Второй силой были партии социалистов-революционеров и социал-демократов-меньшевиков. И, наконец, была еще партия большевиков. Эти три силы объединились, чтобы свергнуть царизм, а затем по очереди начали сражаться друг с другом за власть.

36. Т.е. спасая Париж от захвата немцами. — Прим. пер.

Эта первая³⁷ революция была уникальным моментом в русской истории. Как великолепен был этот подъем патриотизма всех русских людей, вызванный стремлением к свободе! Все политические ссыльные в Сибири были освобождены; сколько счастливых слез было пролито в великодушном восторге! Но, увы, правительство кадетов — руководимое министром-председателем князем Львовым и партийными лидерами Милюковым и Шингаревым — будучи окрылено успехом, не смогло или не захотело проводить умеренную политику. Его первым политическим актом стал арест бывших министров, генералов и других высокопоставленных особ из монархического лагеря — и не потому, что эти люди вынашивали контрреволюционные планы, а, скорее, из чувства мести. По приказу Керенского и Скобелева этих больных стариков-чиновников заточили в сырые и холодные подвальные казематы Петропавловской крепости в Петрограде — где они сидели без теплой одежды на арестантском пайке. Больных вовсе не думали помещать в лазарет; охрана каждый день собиралась на митинги во дворе, и несчастные узники слушали ораторов, которые один за другим подбивали своих товарищей на то, чтобы немедленно войти в казематы и расстрелять сидельцев.

Казалось, что теперь-то, наконец, появятся «ответственные министры», министры, которые работали бы под контролем народного представительства, но — странное дело — мини-

37. Февральская. — Прим. пер.

стры сделали все, чтобы отмежеваться от Думы. Они не давали ей отчета о своей деятельности и даже препятствовали ее заседаниям. Депутаты Думы собирались в отдельных комиссиях, а министры ни перед кем не отчитывались. В конце концов, Керенский, министр юстиции, сам себя назначил главой государства и просто-напросто распустил Думу. Впоследствии большевики всего лишь пошли по следам своих предшественников, распустив Учредительное Собрание в первый же день его работы. Но с каким презрением к правопорядку они действовали! Не было больше полиции, была милиция, т.е. жадущие резни и крови красногвардейцы под началом освобожденных каторжников. Красный террор царил во всей большевицкой России, неся с собой нищету и голод. Двадцатое октября 1917 года!³⁸ Мечта Ленина-Ульянова о коммунистическом идеале начала воплощаться при помощи кроважاذного Троцкого-Бронштейна и просвещенного Луначарского. Они устроились сначала в Петрограде, в Смольном, а затем в Москве, в старой резиденции царей Кремле³⁹ — от-

38. Тут нет никакой ошибки: большевицкий переворот произошел в действительности 25 октября 1917 г. (7 ноября по новому стилю), но раз автор указывает «двадцатое октября», то это только означает, что именно в этот день ему приходилось участвовать в официальных торжествах по этому поводу. При той революционной неразберихе, которую он так наглядно описывает, нет ничего удивительного в том, что тогда сами большевики ошибались в датах. — Прим. ред.

39. Русским императорам никогда не приходилось прятаться от своих подданных за крепостными стенами. В Петрограде таких стен вообще было. А вот «царь-коммунист» Ленин спрятался за крепостными стенами Кремля. От России (на которую, по его собственному выражению, ему было наплевать, ибо его интересовала только мировая революция) его требовалось охранять и охранять так, что одних латышских стрелков ему показалось мало. — Прим. пер.

куда и стали рассылать декреты о национализации банков и недвижимости и о конфискации имущества представителей среднего класса.

Первая, Февральская революция (февраль 1917 года) была, среди прочего, направлена на полное упразднение авторитарного режима с его произволом — а коммунисты, при помощи штыков, его как раз восставили. Особенно постарались Троцкий, воссоздавший разваленную армию и восстанавливавший железную дисциплину, и Луначарский, покрывший всю Советскую Россию сетью агитаторов-пропагандистов. Немало высокопоставленных сановников, богатых купцов и хорошо устроенных иностранцев успели покинуть Россию (захватив, как правило, с собой плоды своих трудов⁴⁰), но основная масса представителей среднего класса, т.е. служащих всех категорий, мелких торговцев и других горожан должна была смириться с требованиями большевиков. Иначе им грозили голод, заточение или смерть. В каждом городе стала действовать хитроумная система слежки. Ею занималась комиссия, состоявшая из людей без стыда и совести и руководимая политическим комиссаром (которым очень часто оказывалась мужеподобная кровожадная мегера, подписывавшая ордер на арест или приговор с такой же беззаботно-

40. Алексей Иванович не исключает из этого правила и самого себя. — Прим. пер.

стью, с какой она подписала бы распоряжение о выдаче ста тысяч папирсов для красногвардейцев!).

А как, по-вашему, жило городское население, не причислявшее себя к большевикам? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что партия, находившаяся у власти, именовалась одновременно и коммунистической, и большевицкой, но тем не менее можно было быть большевиком, не будучи коммунистом. В чем тут разница? Многие думают, что это два одинаковых понятия, однако между этими двумя фракциями одной и той же партии есть одно существенное различие. Значение его видно из этимологии русских слов «меньшевики» и «большевики» (происходящих от слов «меньше» и «больше»). Меньшевики — это социал-демократы, а большевики — это еще большие социалисты и еще большие демократы. И, наконец, самая радикальная фракция — это коммунисты. Вся Советская Россия — большевицкая. Однако органы власти, красногвардейцы и рабочая масса образуют радикальную партию Третьего Интернационала — коммунистическую. Чтобы стать коммунистом, нужно написать заявление, которая обсуждается на партийном бюро и вступает в силу после утверждения партийной комиссией и внесения в список. Любое нарушение партийного устава влечет за собой бесповоротное исключение из партии. Большевик признает Республику Советов, но он еще не потерял (по крайней мере, по моему мнению) понятия об

Отечестве. Он хотел бы для России демократического правительства, состоящего из выбранных народом представителей (что обеспечило бы ему самому свободу действий), он не стремится к национализации частного имущества, признает кооперативы, право купли-продажи и всеобщее избирательное право без различия рас и религий.

Однако партия Ленина и Троцкого прекрасно поняла, что для того, чтобы остаться у власти и продолжать добиваться своей цели — всемирной революции ради счастья народов, — следует задавить все попытки бунта и утопить контрреволюционные элементы в океане красного террора. Вот почему они идут завоевывать весь мир с армией интернационалистов всех сортов — хорошо оплачиваемых, хорошо питающихся и спяющих подписанием присяги на верность, которая остается на руках у инструкторов-пропагандистов.

Стремясь сохранить управление народом в своих руках, Ленин и Троцкий поняли, что, если для того, чтобы вырвать власть⁴¹ у тех, кто ею обладал, достаточно было рук рабочих, то для удержания власти придется обратиться к мозгам. Однако как раз в это время начался бойкот большевической революции. Многим богатым

41. По собственному ленинскому выражению, власть тогда валялась на улице. Поэтому правильнее будет назвать это «вырывание власти» «захватом власти». — Прим. пер.

собственникам, капиталистам, купцам, представителям интеллигенции, техническим специалистам уже удалось покинуть Россию. Оставшиеся же определено колебались относительно поступления на службу в советские организации; это легко понять, так как они знали, что это временное сотрудничество укрепляет коммунистическую Россию. Кроме того, эти люди были совершенно честно и открыто предупреждены, что как только коммунистическая Россия наберет недостающую ей сейчас силу, они будут неизбежно раздавлены. Однако, даже соблазнившись возможностью занять высокое положение (достичь которого при старом режиме им не позволяли личные качества) или будучи вынуждены поступить в советскую организацию просто для того, чтобы не умереть с голоду, эти призванные на службу мозги работали неохотно, а то и занимались откровенным саботажем — тем более, что руководили ими зачастую неграмотные пролетарские представители коммунистической партии. Мне навсегда врезалась в память речь председателя Народного Революционного Комитета и комиссара народного образования в Царицыне 20 октября 1918 г., в первую годовщину большевической революции⁴², перед преподавателями и учениками «единой школы»:

42. См. прим. 26 к настоящему изданию. — Прим. ред.

«Наш корабль народного образования гордо идет вперед по океану пролетарских масс. Меня назначили на должность лоцмана, и, поскольку нам требуются закаленные, испытанные моряки, мы вынуждены привлечь интеллигенцию, т.е. преподавательский коллектив старого режима, этих трюмных крыс, которых нельзя уничтожить всех сразу и которые остаются и питаются тем, что найдут. Так вот, товарищи коммунисты, для них, для этой интеллигенции, мы сделали золотую клетку, в которую бросаем им хорошее сало и сыр, но при первой же попытке бунта мы можем придушить их во славу нашей всемирной революции!»

Трудно поверить, чтобы человек, имеющий за плечами обширный жизненный опыт, мог произвести подобную речь, но если вспомнить, что бразды правления были в руках русской молодежи, то речь этого студента второго курса, ставшего комиссаром народного образования, совсем не покажется удивительной.

То же самое происходило и в других областях. Поскольку почти все было разрушено (как того и хотели большевики), а восстановительные работы не велись, можно утверждать, что эксперименты большевиков над населением не оправдали их ожиданий: наши надежды на социальное благополучие были обмануты, новый мир явился нашему взору в образе несчастного больного, которому для полного выздоровления необходим полноценный

уход. Я убежден, что начало торговых переговоров с правительством Советов должно привести к изменению образа мышления коммунистической партии. Я еще в России не раз слышал, что, если гражданская война закончится, то коммунисты не останутся у власти и двух дней, так как рабочие и крестьяне — это легкоуправляемые большие дети, любящие свою великую родину и не потерявшие, вопреки всем утверждениям, понятия о нравственности.

Большевицкий опыт научил каждого четко разбираться в своих личных чувствах. Каждый русский человек понял, что он представляет из себя определенную величину — понятие, которого он не знал при старом режиме. И, когда он ясно увидит и рассудит обо всем сам (следует заметить, что большевицкая пропаганда научила его рассуждать), то поймет, что только трудом во всех его проявлениях и уважением к гражданским добродетелям он сможет обеспечить себе нормальную жизнь, достойную великой нации. Я верю в нравственное возрождение каждого индивидуума и в социальное возрождение всей русской нации, будь то республика Советов, образованная из выбранных народом представителей, или конституционная монархия с ответственным правительством.

Возможно, что это таинство произойдет в не слишком отдаленном будущем, ведь все говорит о том, что пере-

живаемый период трудных и болезненных родов готовит нам великие события — в результате которых перед нами предстанет возрожденный, полный жизни народ.

На борту «Буэнос-Айреса», бывшего немецкого парохода, при репатриации в Швейцарию французским консулом в Новороссийске.
Декабрь 1919 г.

**Ж.-Алексис Ламберт,
преподаватель в Царицыне на Волге (Россия)**

Часть 2

Повесть о репатриации в Швейцарию. Июнь 1919 г. — январь 1920 г.

Когда 31 июля 1914 г. была объявлена Великая Война⁴³, я не имел больше возможности возвратиться в Россию обычным маршрутом через Берлин или Вену в Варшаву и далее в Москву. Мне еще, можно сказать, здорово повезло: сев в идущий через Невшатель курьерский поезд Париж — Милан, я прибыл в Венецию, где три дня спустя, благодаря доброму совету одного молодого атташе турецкого посольства, возвращавшегося в Константинополь, смог сесть на итальянский пароход «Сицилия». На его борту было около 1200 пассажиров, ехавших в Турцию, Болгарию, Румынию и Россию и весьма обеспокоенных готовящимися большими событиями. Погода была прекрасной, море — гладким, как зеркало. Мы зашли в Бриндизи, затем в Патрас и Корфу. Я помню, как возник слух, что какая-то княгиня села инкогнито в Корфу на наш пароход, направляясь в Афины. Подтверждения этому слуху не было, и один остряк развеселил все общество каламбуром из слов «Па-Трас» и «Кор-Фу», подтвердив-

43. Автор хочет этим сказать, что предчувствуя (как все) объявление войны, он 31-го июля 1914 г. прервал свои летние каникулы, срочно уехал из Невшателя, и хотя Первая мировая война официально началась (объявление Германией войны России) только 1 августа 1914 г. (по новому стилю), простим ему эту маленькую погрешность. — Прим. сост.

шим его сообщение о том, что «княгиню всю ночь искали но не нашли»⁴⁴.

Однако пережили мы и тревожное событие. Около пяти часов вечера в открытом море мы могли наблюдать три военных корабля — «Гёбен», «Бреслау» и преследовавший их «Глочестер». Были достаточно явственно слышны залпы орудий. Затем мы увидели, как одна из четырех труб одного немецкого крейсера покосилась: в него было попадание. Через некоторое время преследование, однако, прекратилось, и «Глочестер», приблизившись к нам, приказал нам остановиться, описал красивый поворот и, с жерлами дальнобойных орудий в боевой готовности, тоже остановился. Вся его команда запела «God Save the King»⁴⁵, а мы, в свою очередь, — русский гимн⁴⁶. Затем последовали крики «Ура!», и некоторое время спустя мы в крайнем возбуждении (вполне естественном) продолжили наш путь.

В Константинополе, несмотря на то, что Турция еще не вступила в войну, происходили крупные передвижения войск, и до прибытия русского парохода «Ростов» нам пришлось оставаться на борту «Сицилии». Таким образом, мы лишились удовольствия посетить этот большой

44. Французская игра слов: «па трас» — «нет следа», «де кор фу» — «тела шального». Очень похоже, что этим остряком был сам Алексей Иванович. — *Прим. пер.*

45. Английский гимн («Боже, храни Короля»). — *Прим. пер.*

46. «Боже, Царя храни». — *Прим. пер.*

город, очаровавший нас своими белыми минаретами, сверкающей водой великолепной, окутанной перламутровой дымкой бухты Золотой Рог и целым лесом мачт на фоне Галаты, — сказочного образа европейского города со своим портом, — и расположенного выше района Пера. Затем мы вошли в Босфор; он не очень широк и обрамлен дворцами с длинными узкими окнами с арабесками из переплетенных кувшинок. Все это отражалось в воде чистейшего синего цвета, с крупными темно- или бледно-зелеными пятнами в отдалении. Тут же кладбища, замки-крепости и, по всему берегу, современные отели, а также дипломатические миссии с развевающимися над ними флагами. Проходя мимо якорной стоянки «Гёбена» и «Бреслау», мы удивлялись тому, что эти великолепные военные суда укрываются здесь от английского корабля вместо того, чтобы самим атаковать его. Вот и российское посольство, небольшая остановка для погрузки канцелярии, и мы снова отбываем.

Уже вечер. Мы выходим в Черное море, которое действительно заслуживает свое название; это уже далеко не великолепная лазурь Средиземного! Небо затягивается облаками, море волнуется, мы проводим дурную ночь, и утром мало кто из нас выходит из своих кают на завтрак. Но вот море успокаивается, вторая ночь проходит более спокойно, и на следующий день мы прибываем в Одессу, где сходим на берег без тамо-

женного досмотра. Таможенный чиновник сказал мне дружелюбно: «Ничего, проходите, вы и так достаточно натерпелись!» Однако, что до меня, то я пожалел, что не запасся более основательно вевейскими и грандзонскими сигарками⁴⁷: в России доставляет особое удовольствие выкурить иногда одно из этих маленьких лакомств, так живо напоминающих родную страну.

Итак, я был в России, но каким же образом вернуться в Царицын? Чтобы приобрести билет на поезд, нужно было записываться заранее, за восемь дней. Я стоял в растерянности в большом зале ожидания среди занятой своими заботами толпы, как вдруг увидел своего знакомого, г-на Парамонова, крупного ростовского промышленника-мукомола, симпатичного мужчину и очень приятного собеседника, с которым я перед этим прекрасно проводил время на море. «Кого вы ищете?», — спросил он, взглянув на меня. «Да никого, — ответил я, — я не знаю, что делать, придется прождать здесь несколько дней». «Вы возвращаетесь в Царицын?» «Да, намереваюсь». «Тогда едемте с нами в порт, сегодня вечером будет паром, идущий в Батум. Погода хорошая, море прекрасное, нужно этим воспользоваться!» Так мне по-счастливилось вновь попутешествовать морем, на этот раз вдоль черноморского побережья, с остановками в

47. Особые швейцарские сигары, цилиндрические, короче обыкновенных. — Прим. пер.

Севастополе, Ялте — этой русской Ницце и жемчужине Крыма — и в некоторых других красивых местах, после чего я прибыл, наконец, в Новороссийск, а оттуда по железной дороге добрался до Царицына, цели моего двенадцатидневного путешествия, проделанного в довольно неплохих условиях и при прекрасной погоде.

В России шла мобилизация, и слово было за пушками. Я никогда не мог до конца понять этой, продолжавшейся все первые три года войны, мобилизации. От офицеров Генерального штаба я слышал, что в начале 1917 года армия вместе с резервом достигла огромной величины — около десяти миллионов солдат. Практически во всех городах можно было видеть казармы. Население в прекрасном порыве энтузиазма покрыло несколько военных займов, и не было такого мелкого служащего, который не приобрел бы нескольких облигаций по 100 рублей. Россия залезала в долги, но еще верилось в великое российское Отечество, и каждому хотелось внести свою лепту. Тем не менее роковое немецкое влияние окутывало высшее военное командование пеленой измены, а все старания председателя Думы Родзянко и депутатов-кадетов улучшить политическую ситуацию в империи были парализованы преступным безразличием царской клики и болезненной пассивностью и бесхарактерностью Николая II, которого загипнотизировал грязный неграмотный мужик Распутин, втершийся в безграничное доверие к царской семье.

Доходило до того, что по указке Распутина подписывались распоряжения о назначении на самые высокие административные должности!

В тыловых городах — вдоль по Волге, например, — полностью отсутствовала какая-либо организация. В Царицыне у нас стояли два полка, с начала войны до 1917 года не получавшие приказа о выступлении на фронт, а когда такой приказ последовал, выяснилось, что революционная социалистическая (еще не большевицкая) пропаганда принесла свои плоды. Полки отказались покинуть наш красивый город, где им было так хорошо! Пришлось их расформировывать и отправлять отдельными ротами.

Военные катастрофы лишь подтвердили факт дезорганизации правительства. Вся торговля и промышленность прекратили работу из-за отсутствия транспорта. А когда революционная пропаганда, становившаяся все более большевицкой, дошла до учащейся молодежи и посеяла пагубный дух неповиновения в армии, стало ясно, что крах приближается. В феврале 1917 года разразилась революция, и старый режим после 400 лет абсолютизма приказал долго жить. Эта первая революция, — провозгласившая в России великие принципы 1789 года, — не смогла принести плоды, ведь лишь правительный посев порождает нужные всходы. Русский крестьянин стал свободным гражданином, но он был не в состоянии понять значение этого слова, так как не имел самых элемен-

тарных понятий о гражданственности. Поэтому не надо удивляться тому, что большевицкая пропаганда велась с большим размахом и что на фасаде революционного театра в России вместо прекрасного гуманистического лозунга «Свобода, Равенство, Братство» оказались начертаны слова «рабство, диктатура пролетариата, ненависть к среднему классу»⁴⁸ и ко всем тем, кто не является рабочим или крестьянином». Агитаторам Ленина, Троцкого и Луначарского было легко обращаться к этой многотысячной толпе больших детей: «Берите, земля ваша, заводы, фабрики, станки, машины — все это ваше. Все эти большие и красивые дома мы забираем для вас, все эти богатства, накопленные старым режимом, будут щедро распределены среди вас. Но сперва вы должны все это завоевать штыками, не щадя ни имущества, ни жизни. Истребляйте всех этих приспешников старого режима — сановников, богатых купцов, капиталистов и попов, которые поработали вас, пили вашу кровь и пользовались плодами ваших трудов, а вас заставляли жить в невежестве и бедности!»⁴⁹

И тогда все эти большие дети, ведомые агитаторами без веры и закона, бросились на города, разрушая все, что встречалось им на пути, и утопили свою жажду мести в

48. Которому Ленин приклеил ярлык «буржуазия». — Прим. пер.

49. К сожалению, этот «завет Ильича» («Грабь награбленное!») всё еще не забыт. — Прим. пер.

океане пламени и красного террора. В Царицыне, где было свыше 15 000 рабочих на французском металлургическом заводе и почти столько же на лесопилках с их складами, на которых громоздились вдоль Волги огромные штабеля бруса и досок, ревком в октябре 1917 года примкнул к большевицкой революции. Затем рабочие сняли детали со станков и машин и выбросили их в Волгу. Несколько дней горизонт был черным от дыма — горели лесопилки.

А когда все было разрушено и наступило нечто похожее на затишье, потребовалось проведение восстановительных работ. Красивые декреты центрального революционного комитета учреждали многочисленные рабочие организации, которые должны были построить новый мир, но именно тогда выяснилось, что создать новый социальный порядок невозможно. Разрушить смогли, но восстановить... На бумаге рисовали самые красивые планы, по которым создавались самые разные организации и рабочие кооперативы. Благодаря им огромному количеству рабочих, зачастую не имевших никакой квалификации, были созданы условия, позволявшие не умереть с голоду. Но как работать при недостатке орудий труда?! Как заниматься торговлей, покупать и продавать, если товары, хранившиеся на складах революционных комитетов, передавались кооперативам в количестве, недостаточном для удовлетворения нужд городского населения? Призвали на помощь интеллигенцию, од-

нако ее — как «буржуазию» — лишь терпели, проявляя большим к ней недоверие. И вот траурная вуаль черного голода и болезней накрыла всю великую Россию.

Нужно, однако, сказать, что, хотя общая картина и была удручающей, некоторые города пострадали меньше других. Большому количеству сановников, капиталистов и богатых купцов удалось покинуть Россию. Волна революции унесла многих, но на местах еще оставался средний класс, который только и ждал радикального изменения политического курса, чтобы вернуть на рынок спрятанные в надежном месте товары. Но тогда немцы и евреи стали бы первыми жертвами реакции: одни за то, что помогали становлению большевизма, а другие — за пропаганду и подстрекательство к большевицкой революции.

А сколько заносчивости в манере держаться и говорить этих начальников организаций — прямо как у министров старого режима! Еще бы! Они хорошо устроены, имеют квартиру, хорошо накормлены, а самое главное — им хорошо платят: все эти должности для трудящихся в Республике Советов очень доходны. С высокомерием, свойственным выскочкам, они правят по своим манда-там, опираясь не на декреты центра, а на особенности и потребности местной политики. Они не боятся ревизий (которые до них просто не добираются из-за больших расстояний и огромного количества инстанций), а также

всего этого бумажного хлама, который теряется на пути из одной конторы в другую. Кроме того, если и есть на свете сказочная страна для заведующих фондами, то это Россия⁵⁰. Понятно, почему миллиардов бумажных денег, поглощаемых военными и административными структурами, недостаточно для покрытия бюджетных расходов. Возникает вопрос: к чему ведет столь безрассудное печатание бумажных денег? Если учесть еще сотни миллионов старорежимных, николаевских рублей, которые хорошо припрятаны или (в особенности у крестьян) зарыты в земле, то станет ясно, почему в России невозможно наладить стабильную жизнь для общества.

К счастью, в России оставались места, где большевизм наткнулся на сопротивление (к которому он, впрочем, и приготовился). В 1918 году вокруг Советской России возник фронт, простиравшийся от Урала до Польши и от Петрограда, Вятки и Перми до Бессарабии, Украины и Астрахани! Таким образом, мы на Волге оказались на линии фронта. До июля 1919 года город Царицын подвергся пяти штурмам: первым двум — со стороны повстанческих банд, живущих исключительно грабежом и разбоем, а последним трем — со стороны Добровольческой армии Деникина, наступавшей с Кубани и сформированной из

50. Советская. — Прим. пер.

бывших офицеров и солдат. Они называли себя освободителями, однако в состав их армии входили кавказские горцы, эти кавказские наездники, которые, особенно чеченцы, в разбое ничем не уступали большевикам. Эта кавалерия всегда шла впереди и карьером устремлялась в города; горе тому, кто попадался на ее пути — ему сносили голову или рубили на части. Однако наш город взять было трудно. Он расположен на возвышенности и защищен с одной стороны Волгой, а с другой — непроходимыми (особенно зимой) оврагами. Только на юге лежит отлогая равнина шириной от пяти до шести километров.

В июле 1919 года на севере большевики отбросили Колчака до сибирского города Томска, но на юге им пришлось уступить Деникину, который снова занял Киев и Харьков, продвинулся в сторону Москвы до Тулы и угрожал Саратову. Большевикам пришлось оставить Царицын, и до 1920 года он пробыл в руках добровольцев.

В июне 1919 года я решил вернуться в свою страну. Я получил пятимесячный отпуск⁵¹, и, если бы я остался в Царицыне, то в июле смог бы уехать в южном направлении. Но тогда еще нельзя было себе представить, что город может быть сдан белым. На солдатских митингах звучали фразы: «Мы будем защищать наш красный город

51. Заграничный. — Прим. пер.

личных условиях, мы приехали в Москву, где расстались и разошлись по своим консульствам. В швейцарском консульстве я нашел лишь секретаря, который сообщил мне, что дипломатические отношения с Россией разорваны, что Швейцарский клуб-гостиница прекратил свое существование, но что я, наверно, смогу покинуть Россию через Финляндию. Мы с моими спутниками поехали в Петроград, но там нас ожидало разочарование: была объявлена блокада, и последний шведский пароход покинул Петроград несколько дней назад. Таким образом, сила обстоятельств вернула нас обратно в Москву, где мы и расстались.

Имея в Москве старых добрых знакомых, я пустился на их поиски. У одного из моих бывших учеников по Симбирской гимназии был большой суконный магазин, и каждый раз, будучи в Москве, я останавливался у него. Но он еще в начале революции переехал в Тамбов и жил теперь в довольно сносных условиях. Кроме него, у меня в Москве была еще одна хорошая знакомая по Самаре, ее дочка была моей ученицей по фортепиано и поступила потом в московскую консерваторию. Они жили в большом восьмэтажном доме на просторной площади в довольно отдаленном от Кремля и центра города районе. К счастью, по основным маршрутам ходили трамваи, а то проезд в один конец на извозчике обошелся бы от 250 до 300 рублей. Их квартира была на третьем этаже, и, к счастью, у них была свободная комната, так что я смог остаться у них на целый

до последней капли крови, это наш Верден!» (Действительно, по своему положению крупного железнодорожного узла Царицын имеет важное значение — это ворота на Кубань и дорога на Кавказ). К тому же Астрахань все время оставалась в руках большевиков, а железная дорога Астрахань — Саратов — Москва не была перерезана. Один француз — директор завода, два чеха и я решили воспользоваться парходом, который уходил в Саратов, чтобы затем покинуть Россию через Финляндию. Это было 28 июня 1919 года, в два часа утра. Мы отчалили, будучи счастливы покинуть, наконец, район, по которому действовали артиллерия и аэропланы — дважды в день, с 11-ти до полудня и с 6-ти до 7-ми часов вечера, сбрасывавшие сорокакилограммовые бомбы на официальные учреждения.

В Саратове мы с большими затруднениями достали билеты до Москвы — таким был наплыв пассажиров. Так или иначе, нам удалось достать билеты второго класса по 20 рублей, что нас очень удивило — ведь расстояние было 600 километров. Прибыв в Тамбов, мы были приятно удивлены, увидев на вокзале белый хлеб, молоко, жареных цыплят, клубнику, малину и в особенности табак, за который мы платили в Царицыне и Саратове по 160 рублей за фунт (400 граммов) и который здесь стоил 20 рублей. Тут мы сделали запасы на дорогу: нас предупредили, что дальше мы уже не встретим такой дешевизны. После двух дней пути, проведенных в при-

месяц, в течение которого имел досуг составить себе представление о новом положении дел в Москве, этой белокаменной «матушке», старинной столице, где, как говорят русские, «сорок сороков» церквей. Какие перемены! Со сжимающимся сердцем смотрел я на эти большие и красивые полупустые дома с разбитыми стеклами. Они стали конторами для бесчисленных рабочих организаций с двойным или тройным количеством работников. Сила обстоятельств заставила большевиков создать новые должности для тысяч молодых людей, вынужденных поступать в эти организации, чтобы не умереть с голоду. («Кто не работает, тот не ест» — гласит большевицкий лозунг). Отсюда все эти бесчисленные затруднения, связанные с невероятным количеством бумажного хлама на пути к окончательным решениям.

А эти красивые пассажи, эти большие магазины, где вы раньше находили громадное количество товаров — куда они делись? Что с ними стало? Часть товаров уничтожена, часть спрятана, что-то досталось большевикам. Их раздали рабочим кооперативам, которые перепродают все это в малых количествах по достаточно низкому ценам. Но, поскольку не все товары имеются в продаже, городское население запасается ими на трех или четырех московских рынках, где спекулянты взвинтили цены до умопомрачения. Так, в июле 1919 года пуд пшеничной муки стоил 2500 рублей, фунт чая — 700 рублей, сахар — по 600 рублей за килограмм, кусок мыла — 70 рублей, картофель — по

60 рублей за килограмм, молоко — 10 рублей за стакан а килограмм черного хлеба — 120 рублей. Все это покупалось и по таким ценам, потому что нужно было жить

Надо сказать, что большевики платили «прекрасные оклады, в среднем по 4–5 тысяч рублей в месяц. Так что вас мало что оставалось, если пара сапог стоила 1500 или 2000 рублей, шерстяная юбка — 3000 рублей, а зимнее подбитое пальто или шуба — от 10 до 15 тысяч рублей. Счастливыми были те, кто запасся всем необходимым до революции, а теперь для всех, кто не коммунист, не больше ни сукна, ни пуговиц, ни ниток, ни иглол. Что было делать? Приходилось платить по этим невиданным спекулятивным ценам. Когда коммерческие отношения с европейскими странами возобновятся, снова появятся и продаже все товары — сельскохозяйственные орудия для крестьян, промышленные товары и продукты питания для городского населения. Вот тогда-то и произойдет полное изменение политического курса. Оружие большевиков — это палка о двух концах, оно повернется против них самих и нанесет им роковой удар. Они дошли до точки. Нет больше средств передвижения, а отсюда голод; нет больше орудий труда — а в результате безработица, безделье и все вытекающие отсюда социальные язвы; нет даже лекарств — это уже конец. Это касается в первую очередь городского населения, поскольку крестьяне с голоду не умрут — та же, как и хорошо оплачиваемые и хорошо питающиеся солдаты. Но крестьянин хочет свободы купли-продажи

земли и своих продуктов, рабочий — свободы труда, купец — свободы торговли, а их напор сдерживается сейчас штыками. А когда штыки и сабли вернутся в ножны, за кем будет слово? Тогда дни большевизма, этой социальной язвы, будут сочтены⁵², на смену придет новое общество, которое сумеет сделать выводы из ошибок прошлого для того, чтобы опять достигнуть уровня великих наций.

Я рассчитывал, что мне поможет покинуть Россию царь-коммунист Ленин, настоящая фамилия которого была Ульянов и который учился у меня в 1889 г.⁵³ в симбирской гимназии. Тогда он был в восьмом классе и после блестяще сданных экзаменов получил золотую медаль, несмотря на спор, возникший на педагогическом совете. Директор отказывался подтвердить решение большинства преподавателей о выставлении Ульянову высшего балла за поведение, поскольку он собирал у себя товарищей по гимназии и образовал вместе с Аладьиным (ставшим позже одним из видных депутатов Второй Думы) группу марксистов, вдохновленных новыми социальными теориями.

Однако попасть к Ленину, в Николаевский дворец в Кремле, было так же трудно, как к папе римскому. Все шесть ворот московской цитадели были постоянно закрыты и строго

52. Алексей Иванович не мог тогда предвидеть, что Сталин, чтобы спасти большевистскую язву, придумает коллективизацию. — Прим. пер.
53. См. прим. 2 к настоящей работе. — Прим. сост.

охранялись. Но написать ему было можно, и я получил разрешение явиться во дворец. Какие перемены: нет больше красивых ковров, паркета, прекрасных картин, отделанных потолков, позолоченных люстр. Пустые залы, голый паркет — все это больше напоминало казармы. Сам он занимал три комнаты на втором этаже, а на первом находилась его канцелярия, где шесть молодых девушек стучали на своих пишущих машинках. На стенах — портреты Карла Маркса и других вождей партии социалистов, конституция Советов, декреты и лозунги: «Кто не работает, тот не ест», «Излагай свою просьбу ясно и коротко», «Обычные приветствия и рукопожатия отменены» и т. д. Секретарь Ленина, длинная и сухая женщина с пенсне на длинном тонком носу, спросила меня о цели моего визита. Я представил ей мои документы. «Время товарища Ленина настолько драгоценно, — сказала она мне, — что он не может принимать по ничтожным поводам». «Но, — ответил я ей, — мне срочно нужно с ним поговорить. Я хотел бы, чтобы он дал мне возможность вернуться в Швейцарию». Через открытую дверь я увидел мельком Ленина за своим письменным столом. Его лысая голова терялась в нагромождении бумаг, разбором которых он был занят. После короткой беседы⁵⁴ я получил карточку с направлением к комиссару⁵⁵ иностранных дел Чичерину, в бывшую гостиницу «Метрополь», одну из самых больших в Москве.

54. Секретарши с Лениным. — Прим. пер.

55. Народному комиссару (наркому). — Прим. пер.

Там мне выдали пропуск через Минск, находившийся в то время на польском фронте, а оттуда я должен был пробираться дальше на собственный страх и риск. Но узнав, что мне придется ехать на лошадях через леса, занятые бандами «зеленых» (солдатами, которые не хотели больше воевать), с перспективой быть ограбленным и брошенным на произвол судьбы, я решил ехать в Самару, где у меня были связи, а оттуда так или иначе пробираться в Царицын.

Попасть в Москву было сложно, жить там — нелегко, а еще труднее было оттуда выбраться. После долгих хлопот и благодаря говорящему по-французски коменданту Кремля, я получил билет на Самару в комиссарский вагон поезда, в остальном составленного только из товарных вагонов и платформ. В пути нам все время не везло — мы прибывали на станции уже после того, как военные поезда, идущие впереди нас, забирали всю имевшуюся там провизию. Я еще догадался взять с собой некоторое количество поджаренных сухарей, которые позволили мне доехать до Самары, не страдая от голода. С сожалением и досадой мне вспоминались такие приятные и комфортабельные довоенные поезда по железной дороге. В Самаре жизнь в августе месяца прошлого года была недорогой, там были белый хлеб, масло, яйца, овощи, но с тех пор, как крупные запасы зерна были реквизированы для армии, цены на продукты питания поднялись. К концу месяца стоимость пуда

муки выросла с 150 до 600 рублей, и все другие цены поднялись соответственно.

В это время большевизский натиск достиг Царицына, и по всему было видно, что город будет снова взят. Я воспользовался этим, чтобы получить разрешение спуститься по Волге до линии фронта на санитарном пароходе, который привез в Самару раненых и возвращался за новыми. В условиях, когда по Волге ходили лишь несколько военных пароходов, а запасы нефти были на исходе, для успеха такого путешествия нужно было чистое везение. Но поскольку, по счастливой случайности, капитан судна был одним из моих бывших учеников, все устроилось так, как я хотел, и я смог прибыть в Камышин, городок, расположенный в 80-ти километрах от Царицына; в нем находился штаб 10-й армии.

Камышин — прелестный маленький городок, расположенный на возвышенности, на высоком берегу реки. Многие из моих бывших учеников были мобилизованы и служили в штабе армии. Они имели любезность прийти мне на помощь, и я провел там весь сентябрь. Но для того, чтобы питаться, нужно было работать — истина, возможно, и прописная, но очень верная для Советской России. Поскольку больше не было ни гостиниц, ни ресторанов, я вынужден был записаться рабочим в музыкальную секцию артистической комиссии, чтобы получить талоны на обед и ужин в столовой артистов.

Не обошлось и без нелепых объяснений с политической комиссаршей в кожанке и папахе, с револьвером на поясе, которая изо всех сил хотела убедить меня подписать заявление о вступлении в коммунистическую партию. К счастью, мое положение иностранца позволило мне избежать этой формальности. Кроме того, существовало возрастное ограничение в 55 лет, на которое я имел право сослаться.

Между тем Красная армия остановилась между Царицыном и Дубовкой, небольшим городом в 40 километрах от Камышина. Я решил пробраться в Дубовку, но каким образом? Как раз тогда комиссариат народного образования в Камышине получил из центра декрет об образовании Царицынского учебного округа, и, поскольку Дубовка входила в него, я после некоторых хлопот получил место преподавателя французского языка в «единой трудовой школе» в Дубовке. Я прекрасно знал, что вблизи фронта занятия не велись (комиссар, меня туда отправивший, тоже должен был это знать, но он поддался моей настойчивости). Это была единственная возможность приблизиться к моему городу, и таким вот образом я прибыл в Дубовку к одному из моих друзей, уездному судье, с охотой меня приютившему. Через восемь дней, уже в октябре, добровольцы завладели Дубовкой, и мне вновь, после трех с половиной месяцев пребывания в Советской России, посчастливилось увидеть Царицын. Я очень сожалел, что мне пришлось тогда уничтожить все

большевицкие документы, которые мне хотелось привезти с собой в Швейцарию. К несчастью, я обнаружил, что и дом мой был разграблен. Когда в июле город был взят добровольцами, черкесские офицеры с Кавказа нашли в моем письменном столе бумагу, подтверждавшие, что я работал в большевицкой организации (преподаватели обязаны были в них работать). Влекомые жадной наживы, они устроили в квартире нечто вроде обыска, взломав буфеты и выдвигные ящики, замки чемоданов и сундуков, в которых была моя одежда, мое белье, мои книги, и завладели всеми предметами, показавшимися им более или менее ценными. А присутствовавшие при этом соседи даже не пошевелились, не сказали ни единого слова, чтобы помешать им. Мебель была вся на месте, но в каком виде! К счастью, мой прежний хозяин, воспользовавшись удобным моментом, смог спасти мои книги, музыкальные принадлежности и некоторые личные вещи, которые я рад был снова увидеть. Комендант города, полковник, сказал мне, что учинивших этот обыск найти невозможно, но что я должен составить список исчезнувших (несомненно, он хотел сказать: «украденных») вещей и что по окончании войны убытки мне будут возмещены. Но это был лишь способ переложить ответственность, и я смирился, радуясь уже тому, что могу, наконец, покинуть Россию.

В Царицыне все было дешево, торговля была в разгаре, кооперативы остались нетронутыми, и все правитель-

ственные учреждения старого режима работали, как до революции. Именно это и вызывало недовольство населения, которому хотелось пользоваться полученными свободами. В городе были губернатор генерала Врангеля, прежний начальник полиции и добольшевицкая городская управа, в гимназии у нас сидел инспектор Казанского округа (куда перед войной входили губернии от Вятской на севере до Астраханской на юге), с центральным управлением в Ростове, а наш бывший директор и трое из наших преподавателей были устранены⁵⁶ большевиками.

Я возобновил работу в гимназии и подал прошение об отпуске⁵⁷, чтобы выехать в Швейцарию на лечение, поскольку я действительно чувствовал, что у меня нет больше сил продолжать работу. И вот 25 ноября я выехал из Царицына, при 15-градусном морозе и слое снега в 50 сантиметров, счастливым, что нашел место в товарном вагоне. На Кубани температура смягчилась, в Екатеринодаре снега уже не было. Когда я приехал в Новороссийск, светило ясное солнце, и можно было гулять без пальто. Я остановился у моего сына⁵⁸, который жил в городе, и восемь дней спустя, набравшись сил,

56. Ликвидированы? — Прим. пер.

57. Повторное, теперь уже белым властям. — Прим. пер.

58. Ивана Алексеевича Ламберта, известного позднее в Швейцарии под псевдонимом Иван Волгин. — Прим. пер.

явился к французскому консулу, чтобы предъявить ему свой паспорт⁵⁹. У него я узнал, что большой военный транспорт «Буэнос-Айрес», принадлежавший ранее немецкому обществу «Гамбург — Америка» и привезший несколько сот русских солдат⁶⁰, вскоре уходит обратно в Марсель. Среди пассажиров, отправляемых французским консулом на родину, были 25 французов и бельгийцев, четыре пожилые швейцарки, возвращавшиеся в Швейцарию после 30 и 40 лет преподавания в Киеве и Харькове, один гражданин Цюриха и я.

Нам сказали, что мы проведем в пути дней десять, но на самом деле мы пробыли на море 45 дней — и вот почему. Мы покинули Новороссийск 1 декабря, при хорошей погоде, и направились прямо в Константинополь. 43 часа мы провели в абсолютно спокойном море; тем не менее все были очень взволнованы. Мы только что покинули Россию, где многие из нас перенесли невзгоды, а теперь уже как бы попали в знакомую страну, где разговаривали по-французски и где кухня и стол тоже были французские, с хорошим красным вином к обеду и ужину, черным кофе с сахаром, белым хлебом и даже десертом.

59. Швейцарский — чтобы получить визу на проезд через Францию в Швейцарию. — Прим. пер.

60. Из русского экспедиционного корпуса, воевавших против немцев во Франции. — Прим. пер.

С нами было несколько сотен турок, болгар, а больше всего греков, ехавших в Константинополь. Когда мы уже входили в Босфор, погода переменилась, небо покрывалось тучами, и пошел холодный дождь. Мы очень сожалели, что попали в Константинополь в плохую погоду. Нам очень хотелось посетить город и окрестности, и у нас было достаточно времени, так как нам пришлось провести там десять дней из-за погрузки войсковых частей — четырех артиллерийских батарей со снаряженным парком и грузовыми автомобилями (все это направлялось в Бейрут). В течение этих десяти дней мы занимались осмотром мечетей, в частности, Св. Софии, пораженной нас своей величием и красотой. Однако наши религиозные чувства не были затронуты: слишком много гробниц, колонн и темных коридоров. Прогулки по Стамбулу и турецкому базару при хорошей погоде также могли бы нам понравиться, но в дождь это было совершенно не интересно. Однако нельзя было оказаться в Константинополе и не увидеть, как турки с большими расчесанными бородами и с чалмами на голове сидят, скрестив ноги и покуривая свои кальяны, или не заметить проходящую мимо турчанку, закутанную во все черное. Большое оживление царило на Галатском мосту, а на больших, спускающихся вниз улицах Перы мы пришли в восторг от красиво выставленных промышленных товаров, хоть и немецкого производства, от вида молодых турок с красивыми черными усами и в красных фесках и особенно от проезжающих великолепных экипажей, за-

пряженных тонконогими горячими лошадьми, — да и от всей этой пестрой космополитичной толпы.

13-го мы отбыли и, пройдя Дарданеллы (на входе в которые были затоплены несколько крейсеров — их мачты торчали из воды), прибыли в Малую Азию, в Мерсину, где нам пришлось простоять три дня на рейде, так как в море было скверно. 21-го мы пришли, наконец, в Бейрут — в стратегический пункт французского протектората. Там мы задержались на восемь дней для высадки на берег 300 алжирских стрелков и сбора сотни отпускников. Мы совсем потеряли надежду попасть на родину к празднику Рождества. Нам надо было еще загрузиться углем в Порт-Саиде и забрать в Александрии нескольких военных, направлявшихся в отпуск. К счастью, хорошая погода соизволила вернуться, и в Порт-Саиде мы наблюдали чудесный восход солнца. В шесть часов утра горизонт засветился теплыми тонами всех цветов радуги. Там, где должно было взойти дневное светило, небольшие тучки окрасились пламенно-красным цветом, лучи света расходились из них и исчезали в бесконечности. Еще минута — и пылающее светило разом вошло во всем своем лучезарном величии. Это была уникальнейшая из картин, которые нам когда-либо довелось созерцать на Востоке.

Вход в Суэцкий канал не менее примечателен. Мол длиной более трех километров дает представление о том, сколько каменных глыб пришлось привезти в это песча-

ное, абсолютно ровное место. Над молотом возвышается статуя великого строителя Лессепса, и его протянутая рука приглашает европейскую цивилизацию к поиску новых горизонтов на этом далеком и таком загадочном Востоке. Порт-Саид — это совершенно современный город, несмотря на то, что построен он на песке и почти на уровне моря. Интересно, какие строительные материалы потребовались для его постройки? Фасады высоких домов покрыты большими вывесками английских фирм. Это город, о котором не скажешь: «Ах, какой он красивый!» (как, например, о Константинополе), но зато можно сказать: «Ах, какой он чистый!» И какая регулярность, какая симметрия в планировке порта! Почти все суда — английские; есть и французские, например, крейсер «Прованс», но общее впечатление таково, что здесь, как и везде на Востоке, все в руках у англичан. Английский фунт поднят выше номинала, в то время как французские деньги и турецкий фунт при обмене теряют 40 %. У входа в канал, на рейде, мы заметили несколько торчащих из воды мачт. Это были затопленные во время войны крейсера, впрочем, мы замечали останки судов всегда, когда приближались к восточным городам. Немецкие субмарины избороздили все Средиземное море, и эти останки тоже можно причислить к совершенным⁶¹ зверствам.

61. Немцами. — Прим. пер.

Удивляются, что англичане везде первые, но, видя порядок, чистоту, регулярность и быстрое исполнение работ, следует признать: там, где англичане, вы чувствуете, что ходите по твердой и надежной почве. Наглядным примером для нас стала погрузка угля. Его нам сразу по прибытии прислала одна английская компания. Менее чем за восемь часов четыре бригады голых до пояса арабов, бегая вереницей, погрузили нам уголь, разгрузив при этом восемь шаланд по 20 тонн каждая. Став более устойчивыми благодаря этому полезному балласту, мы продолжили наш путь и на другой день были уже на рейде Александрии, белые минареты которой выделялись на горизонте. Портовой катер привез нам полсотни отпусковиков, и мы вышли обратно, в открытое море. Погода оставалась хорошей, и мы имели удовольствие видеть морских свиней⁶², следовавших за нами, танцующих на волнах. Они выскакивали из воды на высоту 50 сантиметров, чтобы, описав грациозную дугу, нырнуть, и снова выныривали. Вдали мы видели больших китообразных дельфинов-афалин, которые через отверстие в голове выпускали фонтаны воды — совсем как киты. В течение целого дня мы шли вдоль острова Крит, повернутого к нам своими практически голыми, покрытыми редкой растительностью скалами.

62. Вид дельфинов. — Прим. пер.

После пяти с половиной дней пути мы прибыли в Алжир — забыв об усталости, в хорошем расположении духа, которое поддерживали в нас своим хорошим настроением и красноречивым французским солдатам, веселившим нас своими иногда чересчур разбитными песнями и немного двусмысленными выходками. Известно, что «небритые»⁶² всегда в шутовском настроении и что в их обществе время проходит очень весело. С моря Алжир выглядит обширным амфитеатром с белыми домами. Внизу — два порта, окаймленные большими зданиями с аркадами, выше налево — европейская часть города, а направо — старый арабский город, «казба», с мечетями, плоскими крышами и поднимающимися вверх улицами; на самом же верху — большое здание бывшего дворца султана и казарма. Все это окружено зеленью, пальмовыми, апельсиновыми и лимонными садами. Вид поистине сказочный. Здесь мы на французской земле, не нужно больше пропускать, чтобы сойти на берег, и мы спокойно можем осмотреть город. Все мы набрасываемся на парижские газеты, приходящие сюда на другой день после выпуска, и вновь приобщаемся к европейской жизни, которой так долго были лишены.

Через несколько дней, разгрузившись, мы покинули этот красивый город и 15 января, после 45 дней морского

62. Вид дельфинов. — Прим. пер.

путешествия, прибыли в Марсель. Странное дело, полгода была хорошая, а между тем в Лионском заливе нас качало на большой волне; это объясняется сильными подводными течениями, вызывающими на поверхности волнение. Поскольку мы прибыли утром, то располога-ли достаточным временем для того, чтобы побывать на авеню Канебьер и попробовать рыбную похлебку «буй-абес» (две вещи, которые непременно нужно сделать в Марселе). Наконец, на следующую день мы были в Женеве. Мы приникли к земле любимой Родины, и в порыве благодарности наши сердца устремились к Тому, по чьей милости мы вернулись в родную страну.

Ля Шо-де-Фон,
февраль 1920 г.

Ж.-Алексис Ламберт
Преподаватель в Царицыне на Волге (Россия)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники Документы семейного архива Ламбертов⁶⁴

- Жак-Алексис Ламберт. Мемуары «Россия до и во время революции и Повесть о репатриации в Швейцарию, июнь 1919 г. — январь 1920 г.» (Ля-Шо-де-Фон, 1920 г.): рукопись и машинописная копия французского оригинала (Jaques-Alexis Lambert, Mémoires « La Russie d'Avant et Pendant la Révolution & Relations de Voyage & Retour en Suisse, Juin 1919 — Janvier 1920 » (La-Chaux-de-Fonds, 1920).
- Разрешение на заграничный отпуск с 1 мая по 15 сентября 1919 г. от 17 апреля 1919 г., выданное «преподавателю 1-й советской школы А. И. Ламберу» коллегией отдела народного образования г. Царицын.
- Удостоверение за подписью директора Царицынской Александровской гимназии от 8 октября 1919 г., выданное «Алексею Ивановичу Ламберу» в том, что он состоит штатным преподавателем этой гимназии.
- Справка от 1 декабря 1919 г., выданная Самарским губерньским уголовно-розыскным отделом «гр. Алексею Ивановичу

64. С запросами обращаться по адресу: Dr. Alexandre Lambert, 15 rue Ferrier, CH-1202 Genève, а также: Musée des Suisses dans le Monde, Institut et Archives, CH-1292 Pregny (institut@penthes.ch, www.penthes.ch).

Ламбер» о краже у него 29 августа 1919 г. имущества на общую сумму 4000 руб.

- Справка от 17 января 1859 г. для выдачи свидетельства о рождении С.И. Бенземан (*рукописный оригинал; публикуется ниже с сохранением орфографии подлинника*).
- Свидетельство

По указу Его Императорского Величества, Симбирская Духовная Консисто́рия (получив? — *Сост.*) прошение из дворян Титулярного Советника Ивана Адольфова Бенземана, о выдаче ему о рождении дочери его Софии свидетельства, из метрической Сызранского уезда села Порог за 1854 год, книги. (получила? — *Сост.*) Справку, по которой оказалось: по метрической Сызранского уезда села Порог за тысяча восемьсот пятьдесят четвертый год в книге рожденных под № 47 за Сентябрь 17 дня запись крещена числа [...]. Родители ея деревни Окуловки помещик Иван Адольфов Бенземан, лютеранского исповедания и законная жена его Александра Ивасиева, православного исповедания. Просителю выдать метрическое Свидетельство о рождении дочери его Софии, с приложением казенной печати. Генваря 17 дня 1859 года

Протоиерей и Ковалер Георгий Ром.

У сего свидетельства Симбирской Духовной Консисто́рии печать.

Столоначальник Северовостоков.

Свидетельство от 30 июня 1881 г. о получении С. И. Бенземан звания домашней наставницы (заверенная машинописная копия; публикуется ниже).

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие девице Софии Ивановне Бенземан в том, что она, дочь дворянина, родилась 8 августа 1854 г. и крещена в веру христианскую православного исповедания; образование получила в Нижегородском Мариинском Институте благородных девиц, в котором окончила полный курс учения с награждением СЕРЕБРЯНЮЮ МЕДАЛЬЮ и снабжена надлежащим аттестатом от 24 августа 1871 года за № 525.

Вследствие поданного ею, Бенземан, прошения о желании вступить в ДОМАШНЯЯ НАСТАВНИЦЫ дозволено ей, на основании § 134 Высочайше утвержденного в 30 день августа 1855 г. Устава женских учебных заведений, принять на себя означенное звание. В удостоверение чего дано ей сие свидетельство.

Казань. Июня 30 дня 1881 г. № 2745.

Подлинное подписал Управляющий Казанским Учебным Округом, Помощник Попечителя, Действительный Статский Советник и Кавалер И. Малиновский; скрепил Правитель Канцелярии Надворный Советник и Кавалер Н. Аплавин.

Следующие по положению деньги 15 руб. сер. взяты.

С подлинным верно:
 Правитель Канцелярии (подпись)
 С подлинным сверял:
 Столоначальник (подпись)

Настоящая копия выдается жене Надворного Советника Софии Ивановне Ламбер / урожд. Бенземан вследствие прошения ее и на основании пришедшего в ветхость свидетельства на звание домашней наставницы.

Казань. Декабря 7 дня 1901 года.

Управляющий Казанским Учебным Округом, Помощник Попечителя,

Действительный Статский Советник
 и Кавалер (подпись)

Правитель Канцелярии (подпись)

• Справка, выданная 28 июля 1921 г. бывшей «Одесской Старой Городской Больницей» в том, что «Большая София Ламберт находилась на пользовании с 16/ VII от болезни сердца».

• Квитанция Одесского поддела Управления кладбищами» от 13 августа 1921 г. с указанием места захоронения С. И. Ламберт.

• Две почтовые карточки, присланные А. И. Ламберту миссией Русского Красного Креста в Берне (май и июнь 1920 г.).

- Фотографии членов семейства Ламберт.
- Швейцарский и российский паспорта А.И. Ламберта.
- Российский паспорт Софьи Ивановны Ламберт.

Другие источники

- Jaques-Alexis Lambert — Mémoires et Famille. (Institut et Musée des Suisses dans le Monde, Château de Penthes, 18, chemin de l'Impératrice, CH — 1292 Prégny-Genève; CD-ROM).
- Suisse-Russie : Des Siècles d'Amour et d'oubli (1680–2006), Guide du Visiteur. Exposition au musée historique de Lausanne, 17 février — 21 mai 2006.
- Centenaire (1855–1955) de la maison LAMBERT & CIE Neuchâtel (Suisse). Transports internationaux, avec une introduction de Paul Rognon, Président du Conseil communal. Neuchâtel, 1955.
- Fichier sur Nicolas Lambert (Archives de la Vereinigung der Russlandschweizer (VRS), département d'histoire, Université de Zurich).
- Registre de la famille Lambert (Registre des familles, Gorgier/St-Aubin, Neuchâtel).

- Documents diplomatiques suisses — Diplomatische Dokumente der Schweiz — Documenti diplomatici svizzeri, édités par la Commission nationale pour la publication de documents diplomatiques en Suisse. Vol.7 (1918–1920). Berne, 1980.

Литература

- Петров И. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург, 2006.
- Петров И. Жак-Алексис Ламберт, швейцарец из Невшателя, преподававший Ленину французский язык//Русская Швейцария» (Цюрих). 2005. № 4 (12).
- Машенко А. Необыкновенные приключения Ламбертов в России. Прадед Александра Ламберта Жан-Жак Ламберт преподавал французский язык Ульянову (Ленину)//Крымское Время (Симферополь). 11 февраля 2000.
- Interview par Jean-Marc Falcombello de Alexandre et Victor Lambert par rapport à l'histoire de famille de Jaques-Alexis Lambert en particulier, « Suisse-Russie» sur Espace 2, Chemin de Terre, Emission de Jean-Marc Falcombello, 11 mars 2006 (9h00 à 10h00).
- Maeder A. Gouvernantes et précepteurs neuchâtelais dans l'empire russe (1800–1890), mémoire de licence, Neuchâtel, 1988.

- Lambert A. «...Lénine, de son vrai nom Oulianov, que j'a eu comme élève en 1889...» oder Die Auswanderungsgeschichte eines Neuenburger Hauslehrers ins Zarenreich um 1900. Universität Zürich, Historisches Seminar, Januar 1991.
- Lambert A. Jaques-Alexis Lambert — Erinnerungen eines Neuenburger Erziehers an die Russische Revolution//Von Zürich nach Kamtschatka, Schweizer im Russischen Reich. Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft Zürich. Zürich, 2008.
- Boetliink A. Frédéric César La Harpe: Der Erzieher und Berater Alexanders I von Russland, des Siegers über Napoleon und Anbahner der modernen Schweiz. Bd.1. Bern, 1925.
- Bühler R. Schweizer im Zarenreich: Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zürich, 1985.
- Göldi H. Geschichte der Zeit: Die Russische Revolution. Bd.6. Wattwil, 1976.
- Steiner B. Lenin hat keinen Respekt verdient//Der Landbote (Winterthur). 3 März 2005.
- Жак-Алексис Ламберт в Швейцарии, на берегу Невшательского озера. Около 1930 г., Семейный архив Ламбертов

Жак-Алексис Ламберт в Швейцарии, на берегу Невшательского озера. Около 1930 г., Семейный архив Ламбертов

MUSEE DES SUISSES DANS LE MONDE /
 МУЗЕЙ ШВЕЙЦАРЦЕВ ЗА РУБЕЖОМ
 Château de Renthes / Вилла Пант
 18, chemin de l'Impératrice
 1292 PREGNY-GENEVE / Женева
 Телефон 022 734 90 21

Музей открыт ежедневно, кроме понедельника, с 10 до 17 часов.
 Возможен заказ экскурсии.

Музей осуществляет сетевое взаимодействие со всем миром в области изучения истории Швейцарии.

Вилла Пант, в которой находится музей, расположена в роскошном парке недалеко от дипломатической миссии Российской Федерации. В парке имеется ухоженный альпийский сад; с холмика Преньи открывается вид на Монблан и Женевское озеро.

Музей посвящен истории тех швейцарцев, которые оставили свой след в мире после того, как временно или навсегда покинули свою родину. Выставленные в залах музея портреты, гравюры, картины, мундиры, оружие, сувениры и письменные документы позволяют посетителю совершить увлекательное путешествие в обществе исторических персонажей, посетить вместе с Луи Шевроле семью Пикар, заглянуть по дороге к проектировщику Эйфелевой башни Морису Кёхлину и к другу Петра Великого адмиралу Лефорту. Рассказ о швейцарских специалистах, которые постепенно расселились по всему ми-

ру и везде составили себе хорошую репутацию, идет на фоне событий истории Швейцарии. Каждый из роскошных музейных залов посвящен отдельному ее периоду начиная с 1291 г., со времен Вильгельма Телля до наших дней.

После посещения Музея приглашаем отведать блюда новой кухни ресторана «Шато Пант».